

© *Петербургское библиотечное общество, 2014*

УЧРЕДИТЕЛЬ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ
БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБЩЕСТВО
191025 С.-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 46
тел. (812) 575 70 66
pbo@pl.spb.ru

Регистрационный № П 1360 ФГУ
“Северо-Западное окружное
Межрегиональное ТУ МПТР России”
от 03 марта 1995 г.

При перепечатке материалов ссылка на
журнал “Петербургская библиотечная
школа” обязательна

Издательский отдел Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)

Отпечатано в ООП Библиотеки Российской АН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)

Тираж 120 экз. Зак. № 46

Номер подписан в печать 25.04.2014 г.

**К 300-летию Библиотеки
Российской академии наук**

П.И. Хотеев.

Пять очерков из ранней истории
Академической Библиотеки..... 3

М.П. Лепехин.

О поступлении в Отдел рукописной
и редкой книги БАН собрания
М.И. Чуванова.....14

Научные исследования

**И.М. Беляева, Е.В. Чилева,
Е. А. Тилева, М.А. Белинская.**

Использование современных
информационных технологий
в сохранении книжных памятников
из фондов БАН (на примере
собрания Радзивиллов)27

**Н.В. Бекжанова, А.Э. Жабрева,
Н.А. Сидоренко**

Указатель справочных изданий
о деятелях науки и техники —
новая работа СБО БАН31

Судьба книги

Н.В. Колпакова, Ю.В. Шестаков.

И все-таки ... печатная книга.....36

Т.В. Кульматова.

Август Вейхардт и реорганизация
книжных магазинов Академии наук41

Н.В. Бекжанова.

К истории отдела научной
систематизации литературы БАН47

Президент ПБО

Чалова З.В.

Главный редактор

Леонов В.П.

Редакционная коллегия

Басов С.А.

Ежова М.Ф.

Колтакова Н.В.

Рудая З.А.

Юдахина О.Г.

Корректор

Томшина М.В.

Моя история

В. Хвоцевский.

Записки старого БАНщика49

Информация

С.Н. Федотова.

К 200-летию со дня рождения Тараса
Григорьевича Шевченко (1814–1861).

Выставка в Библиотеке

Российской академии наук61

ПЯТЬ ОЧЕРКОВ ИЗ РАННЕЙ ИСТОРИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

П.И. Хотеев

Первая читательница Академической Библиотеки

– Друг любезный Лаврентий Лаврентьевич! Все как-то не удается мне съездить в библиотеку. Скажи, нет ли там «Путешествия» Олеария?

– Конечно есть, Ваше Высочество!

– Прошу тебя, привези мне как-нибудь эту книгу.

– Извольте, Ваше Высочество, непременно привезу.

Лейб-медик Лаврентий Блюментрост всегда искренне радовался, когда мог услужить цесаревне Анне Петровне. Старшая дочь Петра I шестнадцатилетняя Анна была всеобщей любимицей: необычайная красота сочеталась в ней с изяществом манер, добротой, приветливостью и скромностью. Умная и любознательная, она владела четырьмя иностранными языками, интересовалась историей и географией. Блюментрост знал, что цесаревна любит читать, и не стал медлить с выполнением ее просьбы.

На следующее утро, 2 февраля 1724 года, лейб-медик сел в сани и отправился в ту часть Петербурга, которая называлась тогда Московской стороной: именно там, на левом берегу Невы, недалеко от Смоляного двора, в двухэтажном каменном доме – в Кикиных палатах – располагалась библиотека.

Основанная десять лет тому назад, в 1714 году, библиотека поначалу размещалась в невзрачном подсобном корпусе, построенном рядом с Летним дворцом Петра I. В 1718 году книги вместе с коллекциями редкостей перевезли в Кикины палаты – в дом, который поступил в распоряжение властей после казни его владельца, советника адмиралтейства Александра Васильевича Кикина, осужденного по делу царевича Алексея. Совсем

недавно, в конце января 1724 года, в Петербурге была учреждена Императорская Академия наук, и библиотеку с собраниями раритетов передали в ее ведение. Из года в год книжные фонды и коллекции неуклонно увеличивались. Поэтому специально для библиотеки и кунсткамеры на набережной Большой Невы на Васильевском острове уже возводилось новое просторное здание. Строительство несколько затянулось, и пока что за книгами приходилось ездить на Московскую сторону.

Не прошло и получаса как Блюментрост входил в Кикины палаты. Он быстро поднялся на второй этаж. Ему сразу отыскали и принесли нужную книгу – увесистый фолиант в темном кожаном переплете, а в библиотечный журнал была внесена запись: «Получил Лаврентий Блюментрост для принцессы Анны Петровны “Путешествие” Олеария на немецком языке». До сих пор в библиотеку за книгами обращались только мужчины. И вот впервые среди имен читателей появилось женское имя.

Не задерживаясь, Блюментрост пустился в обратный путь, и вскоре книга Олеария лежала на столе перед Анной.

Что же заинтересовало цесаревну в этой книге и почему она решила прочитать ее в начале 1724 года? Не так давно Петр I задумал выдать Анну замуж за герцога Гольштинского Карла Фридриха. Отношения между Россией и Гольштинией стали налаживаться еще в XVII веке. Прадед Карла Фридриха герцог Фридрих III для установления торговых связей послал в Россию и дальше, в Персию, особое посольство. Должность секретаря в этом посольстве за-

нимал талантливый ученый и знающий переводчик Адам Олеарий. Вернувшись в Гольштинию, Олеарий опубликовал свои путевые заметки, в которых он, не в пример иным путешественникам, побывавшим в России, доброжелательно отзывался о русских, довольно объективно описал их нравы, обычаи, образ жизни. Как знать, быть может, именно по прочтении «Путешествия» Олеария, ознакомившись с тем, что думают и что пишут о России на родине Карла Фридриха, Анна Петровна окончательно решила исполнить волю отца и стать герцогиней Гольштинской.

Научные занятия и безответная любовь профессора Коля

Талантливый двадцатисемилетний немецкий ученый Иоганн Петер Коль в 1725 году приехал в Россию и занял должность профессора Петербургской Академии наук по классу церковной истории и красноречия. Ему были предоставлены все условия для успешной работы. В одном из писем на родину, касаясь общей благоприятной обстановки, окружавшей его на новом месте, он радостно сообщал: «Мне в Петербурге так же хорошо, как и в Германии». В том же письме Коль особо подчеркивал: «Библиотека здесь превосходная». Этот краткий, но емкий отзыв касался, конечно же, академической Библиотеки, читателем которой Коль стал сразу по приезде в Петербург. Он читал очень много. Из богатых фондов Библиотеки Академии наук он брал произведения античных авторов, разнообразную историческую литературу, справочные и библиографические пособия, печатные каталоги различных книжных собраний. Особый интерес Коль проявлял к сочинениям по истории славян.

В Петербурге Коль всерьез взялся за изучение древнерусской словесности, и, судя по всему, в Академии наук его

ждала блестящая карьера. Но неожиданно все его творческие замыслы рухнули — и только потому, что на каком-то официальном приеме он случайно увидел цесаревну Елизавету.

В то время младшей дочери Петра I, будущей императрице Елизавете Петровне, еще не исполнилось и шестнадцати лет, но она уже была так хороша собой, что могла не просто очаровать, а довести до отчаяния, до умопомрачения кого угодно. И вот пленительная красота цесаревны едва не погубила беднягу Коля.

Ее прелестный стан, большие голубые глаза, роскошные каштановые волосы завожили его.

Поначалу Коль испытывал вдохновение от овладевшего им чувства. Он продолжал увлеченно и сосредоточенно работать, обложившись книгами, изучал русский язык, писал статьи, выступал с докладами на заседаниях в Академии наук. Однако его душевное благополучие продолжалось недолго. Когда он вдруг осознал, что его любовь к цесаревне безнадежна, его одолела печаль, затем он почувствовал безысходность, впал в задумчивость. Коль все реже и реже появлялся в академической Библиотеке и вскоре вовсе перестал читать, забросил дела. Его состояние граничило с безумием. Это был настоящий недуг. Коль не мог больше скрывать своих чувств. Однажды, воспользовавшись случаем, он подошел к Елизавете и открыто, в присутствии ее приближенных, признался ей в любви. Его отвели в сторону, и неловкую ситуацию удалось уладить. А юная красавица, избалованная вниманием многочисленных поклонников, возможно, даже не заметила, какую сердечную рану она невольно нанесла молодому профессору.

Между тем Коль был подавлен. Он мог бы вовсе лишиться рассудка, если бы не помощь его друзей и коллег по Академии наук. Они справедливо сочли, что ему необходимо покинуть Петербург. В августе 1727 года его быстро собрали, посадили на корабль и отправили домой в Германию.

Он обосновался в Гамбурге, довольно быстро пришел в себя, снова занялся наукой, уделяя много сил и времени изысканиям в области истории славянских народов. Коль написал и опубликовал «Введение в историю и литературу славян», немало других трудов, которые принесли ему широкую известность в научных кругах. По сути дела он стал одним из первых немецких профессиональных славистов.

Со временем Коль обзавелся семьей. Он жил долго и безмятежно. Побывать в России ему больше не довелось, но, как видно из его работ, эта страна неизменно вызывала в нем добрые чувства и искренний интерес. По всей вероятности, изредка Коль вспоминал о Петербурге — о городе, в котором когда-то ему пришлось изведать горечь неразделенной любви.

Иоганн Петер Коль пережил Елизавету на семнадцать лет и умер в 1778 году.

Мастера переплетной палаты

Петр I, в совершенстве освоивший несколько ремесел, не оставил без внимания и переплетное дело. Петру было всего двенадцать лет, когда в декабре 1684 года его приближенные специально для него приобрели материалы, необходимые при изготовлении переплетов — «бумагу волнистую, веревки, нити, клей, книжные доски». Из сохранившихся документов явствует, что эти материалы, стоившие 6 алтын и 4 деньги, были доставлены в «хоромы к великому государю Петру Алексеевичу». Со временем Петр постиг все тонкости переплетного мастерства и по мере возможности проявлял заботу о книгах, хранившихся в различных библиотеках

и в его собственном обширном книжном собрании. При этом он, как правило, предпочитал недорогие и скромные, но добротные и удобные переплеты, особенно те, которые изготавливались немецкими мастерами.

Весной 1716 года, находясь в Данциге, Петр I познакомился с переплетчиком Христофором Битнером, уроженцем Саксонии, и пригласил его на русскую службу. Тот, не долго думая, принял предложение царя и отправился в Петербург. Здесь Битнер стал работать в созданной Петром в 1714 году государственной библиотеке — будущей Библиотеке Академии наук. Он следил за состоянием книг,

уже входивших в состав библиотечных фондов и личного собрания Петра, а также переплетал новые книжные поступления. Нередко Битнеру приходилось выполнять и посторонние заказы. Так, например, он переплетал книги для петербургского генерал-губернатора светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова.

В 1724 году библиотека, основанная Петром I, перешла в ведение учрежденной в Петербурге Академии наук, а Христофор Битнер занял должность мастера в академической переплетной мастерской, которую тогда чаще называли переплетной палатой. С этого времени в течение многих десятилетий переплетными работами в Академии наук руководили немцы.

Должность мастера-переплетчика была престижной и хорошо оплачива-

лась. Академия наук платила Битнеру 180 рублей в год. По тем временам это были довольно приличные деньги. Кроме того нужно учесть, что Битнеру полагалось также бесплатное жилье, предоставлялись бесплатные дрова и свечи. Такие условия позволяли жить безбедно, содержать семью и даже нанимать прислугу. Жалование Битнера, конечно, было ниже, чем у профессоров Академии, но с другой стороны оно было выше, чем, скажем, у академических переводчиков.

Сначала у Христофора Битнера имелся один помощник, которого по-немецки называли гезель, а по-русски — подмастерье. Позднее, уже в академической переплетной палате, с Битнером трудились два немца-подмастерья.

Работы для переплетной палаты заметно прибавилось в 1728 году, когда при Академии наук открылась книжная лавка. Здесь стали продаваться издания академической типографии и книги, которые привозились из-за рубежа. Обычно на продажу книги поступали без переплета или, как тогда говорили, «в тетрадах» — в виде стопки сфальцованных, то есть сложенных в определенном порядке, листов. А потому покупатели академической книжной лавки нередко обращались в переплетную мастерскую, у которой, таким образом, появилось множество клиентов — частных заказчиков.

Первый академический переплетчик Христофор Битнер умер в конце 1729 года. После него в переплетной палате Академии наук продолжали работать подмастерья Браунс и Мельбек. Что касается Браунса, то он задержался на службе в Академии ненадолго. А вот Готфрид Мельбек, оставаясь в должности подмастерья с годовым жалованием в 120 рублей, фактически возглавлял работу мастерской до 1732 года. Необходимо подчеркнуть, что при Мельбеке здесь появились русские ученики переплетного дела: Андрей Мякишев и Иван Ломакин. Напомним, что обычно в условиях,

на которых иностранные ремесленники приглашались в Россию, особо оговаривалось, что они должны были готовить русских специалистов.

В сентябре 1732 года был заключен контракт еще с одним немцем-переплетчиком, уроженцем Веймара Иоганном Каспаром Криппендорфом, который, как и Мельбек, получил в Академии наук должность подмастерья. В начале 1735 года Криппендорф был назначен мастером переплетного дела, а Мельбек после шестилетней службы в России подал в отставку и вскоре, дождавшись начала навигации на Балтийском море, вернулся в Германию.

Новый мастер переплетной палаты Криппендорф жил на Васильевском острове в казенной квартире, состоявшей из трех комнат, кухни и прихожей, в доме на набережной Невы. У него была семья — жена и двое детей. Хозяйство вели две служанки.

В мастерской при Криппендорфе состояли три иностранца-подмастерья и уже шесть русских учеников: Палладий Иванов, Егор Мокеев, Михаил Кочергин, Семен Григорьев, Родион Корелин и Егор Немчинов. Надо сказать, что ученичество длилось очень долго — по меньшей мере, от 8 до 10 лет. Работа в переплетной мастерской всегда была напряженной. Рабочий день начинался в 5 часов утра и заканчивался в 7 часов вечера. Правда, полагался двухчасовой перерыв, но, тем не менее, продолжительность рабочего дня, таким образом, составляла 12 часов. Зачастую приходилось работать сверхурочно. Заказы шли непрерывно. Помимо собственно переплетов в мастерской изготавливались футляры для книг, документов и различных инструментов. Сюда же поступали географические карты, которые для прочности наклеивались на полотно.

В 30-е годы XVIII века переплетчики работали в одном из помещений бывшего дворца царицы Прасковьи Федоровны, переданного Академии наук. Этот дворец находился на месте нынешнего

Зоологического музея. В 1740-е годы переплетная мастерская располагалась в восточном крыле здания Кунсткамеры, в двух комнатах на первом этаже. Теперь не многие знают, что в те времена имелись входы с обоих торцов Кунсткамеры. Посетитель, желавший отдать книги в переплет, подходил к восточному торцу здания, поднимался по ступеням крыльца до уровня первого этажа, входил в дверь и оказывался в коридоре. Два первых смежных помещения направо и занимала переплетная мастерская. Однако вернемся к людям, трудившимся там.

Став мастером, Криппендорф проработал в Академии наук еще 7 лет и умер весной 1742 года. Должность мастера академической переплетной палаты перешла к Фридриху Розенбергу, уроженцу Штеттина. Он руководил переплетным делом в Академии наук по меньшей мере 28 лет. Есть сведения, что Розенберг жил в удобной просторной квартире на углу 7-й линии Васильевского острова и набережной Невы.

В одном из отзывов о Розенберге сообщалось: «Сей разумеет хорошо два мастерства и учеников учит обоим, а именно: переплетать и футляры делать. Очень прилежен». Обучение молодежи было важной стороной деятельности Розенберга. Среди его русских учеников самым талантливым оказался Егор Мокеев, которому, по-видимому, даже удалось превзойти своего учителя. В декабре 1750 года Мокеев получил значительную надбавку к жалованию, с 96 до 120 рублей в год, и был рекомендован на должность подмастерья со следующей характеристикой: «Он переплетает так хорошо, как лучший французский переплетчик». Такое сравнение расценивалось тогда как высшая похвала, поскольку искусство французских мастеров переплетного дела служило в XVIII столетии образцом для всей Европы.

Особо следует отметить, что Фридрих Розенберг, его помощники и ученики занимались реставрацией тех книг, которые пострадали во время пожара, случивше-

гося в здании Библиотеки и Кунсткамеры Академии наук в декабре 1747 года. Розенбергу было поручено просмотреть библиотечные фонды, выявить переплеты, нуждавшиеся в починке, и распределить работу в мастерской.

Одновременно не сокращался поток очередных и срочных заказов. Особенно много хлопот Розенбергу доставляли заказы, поступавшие от императорского двора. Императрица Елизавета Петровна, в отличие от своего отца, любила роскошь, и нередко Придворная контора требовала от Розенберга незамедлительного изготовления богатых, нарядных переплетов. Так, однажды, в ноябре 1750 года к очередной годовщине восшествия Елизаветы на престол на сцене нового придворного театра была намечена постановка оперы Франческо Арайи «Беллерофонт» на текст Джузеппе Бонекки. Зрителям, по традициям того времени, полагалось иметь на руках либретто. И вот всего за две недели до спектакля в Академии наук поступило распоряжение: отпечатать и переплести либретто «Беллерофонта».

Можно себе представить, какая суматоха началась в Академии. Ведь книжки с текстом оперы предназначались для самой императрицы, наследника престола великого князя Петра Федоровича и его

супруги, а также для придворных, высших чиновников, иностранных дипломатов, приглашенных в театр. Фридриху Розенбергу, его подмастерьям и ученикам пришлось в считанные дни изготовить переплеты к 450 экземплярам либретто, причем эти книжки должны были выглядеть по-разному, а именно: «две в зеленом бархате, по краям позумент золотой, обрез бумаги с золотом, да четыре в голубом бархате, по краям позумент узкий, обрез бумаги с золотом, девяносто в атласе голубом, обрез бумаги с золотом же, а достальные в золотой бумаге с простым обрезом». Аналогичных заданий было множество, и всякий раз Розенбергу и его помощникам удавалось справляться с ними.

Итак, за сравнительно короткое время немецкие мастера и подмастерья наладили бесперебойную работу переплетной мастерской Академии наук в Петербурге. Они способствовали приведению в порядок и пополнению первоначальных фондов академической Библиотеки, изготовив для нее тысячи красивых и прочных переплетов, выполнили множество частных заказов и, что очень важно, передали свой опыт и знания русским ученикам, которые в дальнейшем смогли внести заметный вклад в развитие отечественного книжного дела.

Что читал молодой Эйлер

Практически сразу же по прибытии из Швейцарии в Петербург двадцатилетний Леонард Эйлер приступил к напряженным научным занятиям. Само собой разумеется, одним из важнейших элементов его деятельности являлось интенсивное чтение. Он стал частым посетителем академической Библиотеки. Среди архивных материалов той поры сохранились списки книг, которые выдавались Эйлеру из библиотечных фондов в 1728 году и в период с 1732 по 1735 год. За это время молодой ученый взял на дом книги и журналы 54 названий —

в общей сложности более 100 томов, причем читал он на пяти языках — латинском, немецком, французском, английском и русском.

Как известно, поначалу предполагалось, что в Петербургской Академии наук Эйлер будет заниматься физиологией и анатомией, опираясь на свои познания в области математики и физики. И вовсе не случайно одной из первых книг, полученных им из Библиотеки, оказался трактат «О движении животных» («*De motu animalium*») — главное сочинение итальянского естествоиспытателя Джованни Альфонсо Борелли, которого принято считать основоположником биомеханики.

Однако вскоре в полной мере проявилась склонность Эйлера к физико-математическим дисциплинам, и он стал брать на прочтение научные издания соответствующей тематики, в том числе книги немецкого астронома и конструктора инструментов Иоганнеса Региомонтана, французского математика Жака Озанама, итальянского физика Доменико Гульельмини. Примечательно, что в списках выданной Эйлеру исследовательской литературы преобладают работы ведущих английских ученых конца XVII — первой трети XVIII века. Правда, здесь нет сочинений Исаака Ньютона. Зато достаточно широко представлены книги его соотечественников и современников: это большой звездный каталог, составленный руководителем Гринвичской обсерватории Джоном Флемстидом, сборник трудов по математике Джона Уоллиса, «Астрономия» Томаса Стрита, «Новая теория Земли» Уильяма Уистона, «Основы физической и геометрической астрономии» Дэвида Грегори, замечательный для своего времени «Технический лексикон или Всеобщий английский словарь искусств и наук» Джона Гарриса.

Важно подчеркнуть, что почти все из перечисленных выше авторов-англичан писали уже не на латыни, как это делалось в былые времена, а по-английски. Обращаясь в процессе работы к их

научным публикациям, Леонард Эйлер, вне всякого сомнения, одновременно совершенствовал свои познания в английском языке. В этих целях он взял из Библиотеки англо-латинский и латинско-английский словарь, изданный известным лексикографом Элайшей Коулзом. Но оказывается, Эйлер читал по-английски не только научную литературу. Словарем Коулза он, по-видимому, пользовался также при чтении других библиотечных книг — например, собрания сочинений драматурга Джона Драйдена и лондонского журнала «Зритель» («*The Spectator*»), который издавался в 1711–1712 годах писателями-просветителями Джозефом Аддисоном и Ричардом Стилом.

Особое внимание Леонард Эйлер уделял научной периодике, имевшейся в Библиотеке. В 1733 и 1734 годы он методично проштудировал многочисленные выпуски знаменитых трудов Лондонского Королевского общества, выходивших под названием «*Philosophical Transactions*». Тогда же Эйлер проработал внушительный по объему комплект авторитетного лейпцигского периодического издания «Труды ученых» («*Acta Eruditorum*»). Затем были прочитаны свежие номера журнала «Новые труды ученых» («*Nova Acta Eruditorum*»).

В Петербурге Эйлер довольно быстро освоил русский язык, и в связи с этим заслуживает упоминания следующий факт. К весне 1735 года Эйлер закончил работу над учебным пособием по математике, предназначенным для использования в петербургской академической гимназии. Как раз в период написания этой книги, в 1734 году, Эйлер взял из Библиотеки Академии наук русский учебник математики — «Арифметику» Леонтия Филипповича Магницкого, изданную в Москве в 1703 г. Конечно же, это не простое совпадение. С полным основанием можно говорить о том, что, занимаясь составлением нового учебника арифметики для русской учащейся молодежи, Эйлер,

без затруднений читавший по-русски, решил ознакомиться с книгой Магницкого, чтобы получить представление о состоянии математических знаний и об уровне преподавания математики в России.

Круг чтения молодого Эйлера, безусловно, не ограничивался профессиональной литературой. Из академической Библиотеки он брал учебник истории Иоганна Гюбнера, одну из книг выдающегося ботаника Жозефа де Турнефора, трактат по фортификации Антуана Девиля, отдельные выпуски популярного лейпцигского продолжающегося издания историко-публицистического направления «Разговоры в царстве мертвых» («Gespräche in dem Reiche derer Todten»).

15 июня 1732 года Леонард Эйлер пришел в Библиотеку Академии наук и получил два сочинения Густава Селенуса (под этим псевдонимом-анаграммой печатался герцог Август Брауншвейгский) — пособие по тайнописи и руководство по игре в шахматы. Бесспорно, обе книги представляли интерес для математика: в криптографии, как известно, используются специальные математические приемы, а в шахматах не последнюю роль играет математическая логика.

Любопытно, что однажды, 22 сентября 1733 года, Эйлер специально побывал в Библиотеке для того, чтобы взять четыре книги весьма специфического содержания. Ему выдали сборник трудов одного из крупнейших знатоков оккультных наук Генриха Корнелия Агриппы Неттесгеймского и сочинения трех менее известных авторов, посвященные искусству прорицания, а именно — трактаты по хиромантии, физиогномике и геомантии.

Стоит отметить, что некоторые современники Леонарда Эйлера считали его человеком, не любившим театральные зрелища и вообще пренебрегавшим драматургией. В частности, в исторической литературе описывается такой

эпизод. Однажды Эйлера пригласили в театр на трагедию. Будучи в дурном настроении, не обращая никакого внимания на то, что происходит на сцене, он, как и полагается занятому профессиональному математику, занялся вычислениями: на глаз определил размеры зрительного зала, установил его объем, затем в уме рассчитал, за какое время до него доносятся звуки голосов актеров, после чего встал посреди представления со своего места, направился к выходу и удалился, громко хлопнув дверью. Вероятно, по этому забавному случаю нельзя судить об истинном отношении гениального ученого к драматическому искусству. Во всяком случае, нам достоверно известно, что одновременно с упоминавшимися уже сочинениями Драйдена в 1733 году Эйлер взял из Библиотеки Академии наук многотомные собрания пьес трех французских драматургов — Корнелия, Мольера и Расина. Можно говорить и об интересе молодого Эйлера к поэзии: наряду с другими произведениями изящной словесности ему выдавались сборники стихотворений двух немецких авторов — Даниэля Каспера фон Лоэнштейна и Якоба Бальде, писавшего лирические стихи на латинском языке.

Нельзя не вспомнить, что в Петербурге Леонард Эйлер испытал романтическое увлечение, которое счастливо завершилось его женитьбой на дочери академического художника Екатерине Гзель. Исходя из этого, можно предположить, что часть книг, которые он приносил из Библиотеки домой, предназначалась для семейного чтения.

Как видим, перечни книг, взятых Леонардом Эйлером из фондов академической Библиотеки, служат достоверным источником сведений о печатных изданиях, которые он использовал в своих повседневных научных занятиях, и вместе с тем позволяют составить общее представление о читательских запросах молодого академика в ранний период его жизни в Петербурге.

Петербургская библиотека лейб-медика Саншеса

Уроженец Португалии доктор медицины Антонио Нуньес Рибейро Саншес был принят на русскую службу в 1731 году. Именно в России он приобрел репутацию одного из крупнейших европейских врачей XVIII столетия. Благодаря высокому уровню практической и теоретической подготовки Рибейро Саншес, проживший в нашей стране 16 лет, завоевал здесь признание в научных кругах и снискал доверие самых влиятельных и требовательных пациентов.

Сначала Саншес получил место городского врача в Москве. В середине 1730-х годов он вступил в должность генерал-штаб-доктора, участвовал в походах русской армии, предпринятых под руководством фельдмаршала Бурхарда Кристофа фон Миниха, а затем стал главным врачом при Шляхетном кадетском корпусе в Петербурге. В конце правления императрицы Анны Иоанновны Саншес был уже гоф-медиком, а при малолетнем Иоанне Антоновиче и при Елизавете Петровне — лейб-медиком. В 1744 году его произвели в действительные статские советники, а позднее избрали почетным членом Петербургской Академии наук. Находясь в России, Саншес способствовал установлению научных связей между Петербургом и Лиссабоном. На протяжении ряда лет между учеными двух городов велась оживленная переписка и осуществлялся взаимовыгодный книгообмен.

Одним из самых ярких эпизодов во врачебной практике Саншеса стало излечение в 1744 году приехавшей в Россию принцессы Софии Фредерики Августы Ангальт-Цербстской — будущей императрицы Екатерины II: Саншес спас ее от опасного заболевания — плеврита.

Рибейро Саншес постоянно стремился быть в курсе последних достижений европейской медицинской науки. Свидетельством тому служит его личная библиотека, из года в год пополнявшаяся в первую очередь естественнонауч-

ной литературой и волею судеб навсегда оставшаяся в нашем городе: покидая Россию в 1747 году, Саншес продал свое превосходное книжное собрание Петербургской Академии наук. Тогда был составлен подробный каталог библиотеки врача-португальца. Этот документ до сих пор хранится в Петербургском филиале академического архива. В каталоге значится 447 изданий (более 700 томов) на латинском, французском, английском, итальянском, испанском и португальском языках. По меркам XVIII века это было довольно крупное собрание. Академия наук приобрела его на достаточно выгодных условиях: за 700 с лишним томов Саншес просил 1000 рублей (цена по тем временам весьма умеренная). По совершении покупки книги более 300 названий (включая почти всю медицинскую литературу) поступили в фонды Библиотеки Академии наук, а остальные (те, которыми Библиотека уже располагала) были отправлены на распродажу.

Подсчеты показывают, что среди книг Саншеса было более 200 изданий, вышедших в свет в период его пребывания на русской службе. Следовательно, можно сделать вывод, что это собрание как минимум наполовину сложилось в нашей стране. Основным источником его пополнения являлась петербургская академическая книжная лавка: в ее

рекламных каталогах числились сотни иностранных изданий разнообразной тематики. Кроме того, Саншес не утратил связей с многочисленными друзьями и коллегами, жившими за пределами России, и благодаря этому обстоятельству необходимую ему литературу, которую нельзя было приобрести на русском книжном рынке, он время от времени получал из-за рубежа.

Основная особенность и главное достоинство петербургской библиотеки Рибейро Саншеса — ее явно выраженный прикладной характер. Это прежде всего рабочее книжное собрание широко образованного врача-универсала, уделявшего внимание в равной степени как практической деятельности, так и серьезным научным занятиям. Из 447 изданий более 200 — книги по медицине, около 40 — по другим естественным наукам (зоологии, ботанике, химии, физике, астрономии). Среди медицинской литературы главное место занимают описания конкретных заболеваний, анатомические атласы, справочники, руководства, исследования в области анатомии, физиологии, хирургии, акушерства, фармакологии, гигиены. Саншес имел в своем распоряжении сочинения по истории врачебного искусства, труды античных и средневековых врачей — Гиппократ, Клавдия Галена, Павла Эгинского, Авиценны, обращался к работам таких светил мировой медицины, как Андреас Везалий, Амбруаз Паре, Ренье де Грааф. Лейб-медик был хорошо знаком с результатами новейших исследований современных ему врачей и ученых, в том числе его знаменитого учителя — нидерландского врача и естествоиспытателя Германа Бургаве. Саншес прорабатывал медицинские трактаты и руководства Альбрехта Галлера, Иоганна Гортера, Георга Эрнста Штала, Иоганна Юнкера. Нужно отметить, что в своих научных публикациях Рибейро Саншес нередко упоминает этих авторов или ссылается на их сочинения.

При ознакомлении с библиотекой Саншеса становится очевидным, что ин-

тересы ее владельца не замыкались узко профессиональными рамками. Около 200 изданий в рассматриваемом собрании — это гуманитарная литература, представленная книгами по истории, философии, политике. Как человек, побывавший во многих странах Европы, Саншес имел возможность наблюдать и сравнивать условия жизни народов, различные формы правления и виды государственного устройства. Личные впечатления он мог пополнять за счет сведений, почерпнутых из имевшихся у него книг по истории ряда европейских и азиатских государств, из описаний путешествий, из трактатов Жана Бодена, Никколо Макиавелли, короля-философа Фридриха II. В рассматриваемом собрании имелись книги, посвященные жизни и деятельности ряда выдающихся исторических лиц. Саншес располагал биографиями римского писателя и политика Марка Туллия Цицерона, короля Испании Филиппа II, императора Священной Римской империи Карла V, итальянского вольнодумца Лючилио Ванини, португальского мореплавателя и полководца Жуана де Каштру, английского философа-материалиста Джона Толанда.

Внимание лейб-медика привлекали проблемы философии, морали, воспитания юношества. Его волновали идеи преобразования общества. У него были такие сочинения, как «Похвала глупости» Эразма Роттердамского, «Опыт о человеке» Александра Попа. Он читал и хорошо знал труды Рене Декарта и Фрэнсиса Бэкона.

Саншес имел под рукой лучшие по тому времени универсальные и отраслевые лексиконы, в том числе знаменитые словари Луи Морери и Пьера Бейля. О серьезном отношении к чтению и высокой читательской культуре Саншеса свидетельствует наличие в его собрании справочно-библиографической литературы. За выходом в свет книг по интересующим его вопросам лейб-медик следил просматривая западноевропейские пери-

одические и продолжающиеся издания, содержащие информацию рецензионного и критического характера.

Судя по всему, Саншес увлекался изящной словесностью. В его библиотеке были сборники поэзии, прозаические сочинения, произведения, написанные для театра, причем основное место в подборке художественной литературы занимали оригинальные и переводные тексты античных авторов — Вергилия, Горация, Марциала, Овидия, Проперция, Светония, Теренция, Цицерона, Ювенала.

Как видим, гуманитарная часть собрания Рибейро Саншеса по-своему интересна, но в целом эта библиотека — явление весьма редкостное для середины XVIII столетия в первую очередь с точки зрения подбора новейшей медицинской литературы. Именно поэтому в Петербургской Академии наук было решено приобрести книги бывшего придворного врача.

Нужно сказать, что зачастую Саншес предпочитал наиболее плодотворный метод чтения: то и дело он читал с пером в руках. Форзацы и поля страниц многих его книг, хранящихся по сей день в фондах Библиотеки Российской Академии наук, испещрены разнообразными записями, всевозможными справками, ссылками, уточнениями, дополнениями. Иные записи настолько обширны и содержательны, что, они по своему характеру и научному значению не уступают архивным материалам. Так, на чистом переплетном листе одной из книг лейб-медика мы находим замечательную характеристику ее прежнего владельца, друга и коллеги Саншеса петербургского академика Иоганна Аммана. На форзаце другой книги видим рукописный текст, представляющий собой любопытные заметки о жизни придворного шута Яна Дакосты, любимца императора Петра I. На полях страниц издания, посвященного путешествиям по странам Востока, обнаружены записи Саншеса, являющиеся своего рода дву-

язычным словарем: здесь приводятся десятки слов и словосочетаний тюркского происхождения с переводом на латынь. В биографию своего учителя Германа Бургаве, напечатанную в Лондоне, Саншес внес несколько дополнений. В одну из книг вложен исписанный им листок бумаги. Это черновик краткого письма к неизвестному пациенту, которому в качестве средства от недомогания рекомендуется принять на ночь сушеного ревеня. На форзацах обоих томов редкого издания по истории медицины, вышедшего в свет в Лиссабоне, Саншес написал, что этот двухтомник был прислан ему в дар из Португалии. На титульных листах многих книг он проставил от руки свое имя и даты их приобретения в Петербурге или Москве.

Всего в современных фондах Библиотеки Академии наук выявлено более 70 книг с владельческими надписями, записями различного содержания и пометами бывшего придворного врача. Не так давно подготовлен и опубликован каталог этих книг, который, по всей вероятности, может представить интерес для биографов Саншеса.

Подобранная со знанием дела, включающая многие новейшие работы по медицине и другим естественным наукам, книжная коллекция врача-португальца существенно пополнила соответствующие разделы академической Библиотеки. В результате книги отставного лейб-медика оказались доступными для русского читателя. Это обстоятельство с полным основанием позволяет рассматривать петербургское книжное собрание Рибейро Саншеса как явление, непосредственным образом связанное с историей нашего города и отечественной культуры в целом.

Нельзя не упомянуть о том, что, перебравшись из России во Францию и посвятив себя преимущественно научной деятельности, Антонио Нуньес Рибейро Саншес со временем обзавелся новой библиотекой, не менее интересной, чем та, которую он в 1747 году оставил в Петербурге.

**О ПОСТУПЛЕНИИ
В ОТДЕЛ РУКОПИСНОЙ И РЕДКОЙ КНИГИ БАН
СОБРАНИЯ М.И. ЧУВАНОВА¹**

М.П. Лепехин

Выдающемуся явлению русской книжной культуры XX века — собранию М.И. Чуванова — посвящено достаточное количество публикаций², как правило, популярного и мемуарного характера³; обстоятельной его биографии до сих пор не опубликовано; сведения о несохранившемся в целости его собрании также в достаточной степени фрагментарны.

Последней по времени выхода в свет является статья Н.А. Ефимовой⁴, где сообщены необходимые сведения. Не повторяя их, сообщу лишь, что Михаил Иванович родился 1 октября 1890 г. в старообрядческом селе Усады Серпуховского у. Московской губ. и большую часть жизни прожил в Москве и ближайшем Подмосковье с перерывом на военную службу в годы Великой войны 1914–1918 гг. и на срок заключения 1936–1938 гг.

Впервые о собрании Чуванова в археографической печати было упомянуто в 1965 г. В.И. Малышевым при обзоре наиболее замечательных рукописных собраний москвичей⁵. Ранее Чуванов и Малышев познакомились заочно, встреча их состоялась в самом начале 1960-х. Взаимный интерес и симпатии двух выдающихся знатоков старообрядчества был обусловлен не только общностью их профессиональных интересов, но и душевными качествами. На протяжении ряда лет они состояли в переписке, оборвавшейся в 1976 г. в связи с кончиной Малышева, бывшего на 20 лет моложе Чуванова.

Летом 1978 г., возвращаясь из археографической экспедиции в Кировскую обл. через Москву, сотрудник БАН Н.Ю. Бубнов по совету И.Н. Заволока нанес визит М.И. Чуванову, жившему на ст. Ухтомская Казанской ж/д. Увиденное в доме поразило Бубнова настолько, что, в ходе показа хозяином наи-

более интересных книг и рукописей, он решил, учитывая возраст владельца, задать М.И. вопрос о дальнейшей судьбе его коллекции. К столь бестактному, но закономерному в устах археографа вопросу М.И. отнесся с должным пониманием и на сделанное гостем предложение ответил, что готов рассмотреть вопрос о передаче его в Библиотеку Академии наук. (Хранящиеся в ней материалы М.И. представлял достаточно хорошо по имевшемуся в его библиотеке «Историческому очерку и обзору фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР», отдельным томам «Описания Рукописного отделения БАН» и «Истории Библиотеки Академии наук СССР»). В свою очередь визитер пообещал по приезду в Ленинград сообщить о данных переговорах дирекции БАН.

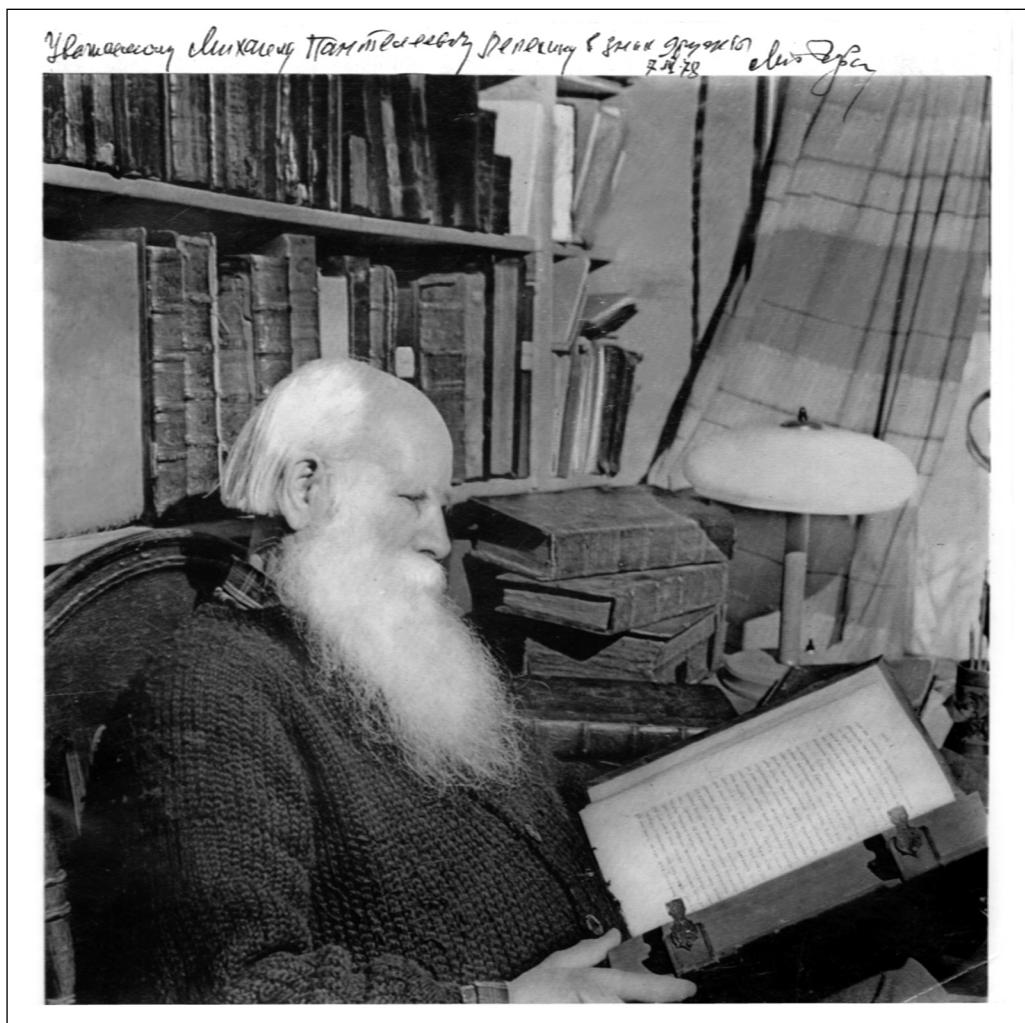
По возвращении Бубнов незамедлительно подал на имя директора БАН служебную записку о необходимости приобретения собрания Чуванова, особо оговорив поставленное владельцем условие сразу же после покупки и перемещения собрания в БАН приступить к его описанию и скорейшему составлению каталога. (Следует добавить, что старопечатные книги XVI–XVII вв. к этому времени уже предварительно были описаны самим Чувановым). Реакция дирекции БАН (в то время Библиотеку возглавлял Д.В. Тер-Аванесян) была в целом положительной, однако для принятия окончательного решения требовалось уточнить ряд условий владельца, а также представить с максимальной полнотой все количественные характеристики собрания. На январь–февраль 1979 г. была запланирована командировка в Москву двух сотрудников БАН для предварительной его оценки собрания и определения объема работы

по его описанию. Обо всем этом осенью 1978 г. Бубнов сообщил Чуванову.

Завязавшиеся в 1978 г. отношения БАН и Чуванова продолжения не получили по причине самой прозаической: в то время дирекция БАН не смогла найти средств для приобретения данного собрания. Не получили продолжения и завязавшиеся в конце того же года отношения Чуванова с Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

После внезапной кончины 2 мая 1976 г. Малышева — не только основателя Древлехранилища, но и единственного лично знакомого с Чувановым его сотрудника,

общение Института с М.И. на время прекратилось и было возобновлено лишь в сентябре 1978 г. В.П. Бударагиным, написавшим М.И. письмо. В.П. ничего не знал о предпринимаемых почти в то же время аналогичных действиях своих коллег из БАН, — он лишь восстанавливал оборвавшиеся в связи с кончиной Малышева знакомства. М.И. незамедлительно ответил; завязалась переписка, столь же стремительно по причинам, которые в настоящее время В.П. вспомнить не смог, прекратившаяся. (В настоящее время вся переписка между Бударагиным и Чувановым хранится у И.В. Поздеевой).

Во время зимних студенческих каникул в конце января 1979 г. автор настоящего сообщения был в Москве, нанес визит М.И. и был несколько удивлен прозвучавшей в конце разговора его просьбой: не смог бы я узнать в Пушкинском Доме, насколько тот заинтересован в приобретении его собрания? Я пообещал сразу же по приезде в Ленинград все выяснить; подобная просьба меня не удивила, ибо к этому времени меня с М.И. уже связывали добрые отношения.

Кратко изложу их предысторию. В октябре 1976 г., будучи студентом-первокурсником Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова, через общего знакомого я познакомился с Чувановым. На меня произвели сильное впечатление как дом на улице Розы Люксембург, построенный в 1926 г. по проекту В.М. Васнецова, так и личность его обитателя и владельца изумительной по тщательности подбора библиотеки. В свою очередь и М.И. проявил интерес к юному студенту, интересовавшегося издательской деятельностью Преображенского богаделенного дома, где сам Чуванов в начале 1910-х служил наборщиком, а потом заведовал типографией. Когда же М.И. узнал, что я в то время имел обыкновение на сон грядущий читать «Маргарит», некогда им своеручно набранный, — проблем в общении, несмотря на шестидесятывосьмилетнюю разницу в возрасте, уже не возникало. С 1977 г. я писал статьи в «Словарь русских писателей XVIII века» и не менее двух раз в год ездил в Москву для работы в ЦГАДА и ЦГАЛИ, неизменно нанося визит Чуванову.

М.И. отличался исключительным гостеприимством и вниманием к собеседнику: время визита всегда заранее оговаривалось с тем, чтобы не допустить каких-либо отвлечений от беседы за самоваром. Рассказывать об этом излишне: манера общения М.И. необычайно ярко и живо передана в книге В.В. Лаврова⁶. Автор представил Чуванова-коллекционера; мне же М.И. запомнился прежде

всего не только гостеприимным хозяином, но и замечательным рассказчиком. Чуванов был в высшей степени добросовестным мемуаристом: если чего-либо не знал или не помнил, — он так о том прямо и говорил. Тему для своих мемуарных повествований М.И. предлагал выбирать собеседнику. (Мне до сих пор памятны рассказы о прогулках с М.А. Булгаковым по книжным лавкам и о совместной их поездке в Сергиев Посад (опубликован в записи А.П. Кончаковского⁷, а также о поездке с А.И. Тиняковым на агитационном пароходе в Поволжье). Беседы по некоторым сюжетам носили в достаточной степени доверительный характер, а посему поручение М.И. хоть и удивило меня, но не настолько, чтобы удивление это выражать. К этому времени я в некоторой степени уже был связан с Институтом — дважды ездил в археографические экспедиции ИРЛИ на Северную Двину и сотрудничал в «Словаре русских писателей XVIII века»; поручение М.И. казалось мне легко выполнимым.

Свое обещание я выполнил сразу по приезде, переадресовав заданный мне вопрос Бударагину. Отмечу, что М.И. не сказал мне ни слова о своих предшествовавших переговорах с БАН и Древлехранилищем; также об этом мне не сказал и В.П., поручив мне передать Чуванову, что Пушкинский Дом сделает все возможное для приобретения его собрания. В тот же вечер я позвонил М.И., поведав об успехе миссии. В дальнейшем этим вопросом я не интересовался, пока В.П. не сообщил мне, что меня хочет видеть Д.С. Лихачев. (Ранее я с ним лично знаком не был). Я тотчас поднялся в Сектор древнерусской литературы и, увидев Д.С., представился. Лихачев вышел со мной в преддверие Сектора, чтобы разговором не мешать сотрудникам, и сразу начал меня расспрашивать — поначалу (кратко) обо мне самом, затем (обстоятельно) о Чуванове. Отмечу, что Д.С. совершенно не интересовал состав чувановского собрания, тем более количественные характеристики — его интере-

совал М.И. исключительно как личность: круг интересов, режим дня, бытовые привычки. Помню, что Лихачева необычайно заинтересовал рассказ о том, как Чуванов пьет чай — обязательно из самовара и непременно горячий до той степени, когда кипятки еще булькают в стакане. К слову сказать, свое долголетие М.И. объяснял неупотреблением горячительных напитков, табака, кофе и газированной воды; последнюю он считал несравнимо более вредной, чем алкоголь и курение, вместе взятые.

О происшедшем далее знаю со слов Бударagina. В марте 1978 г. Лихачев в сопровождении заместителя директора (одновременно заведующего Рукописным отделом ИРЛИ) В.Н. Баскакова нанесли визит Чуванову. После осмотра дома между хозяином и гостями состоялась беседа, в ходе которой почти сразу была достигнута договоренность о приобретении Институтом всего собрания и издании его каталога. Большая часть беседы между Лихачевым и Чувановым носила по преимуществу характер воспоминательный: несмотря на разницу в поколениях, оба принадлежали к одной эпохе. Ср.: «Резкое понижение уровня культуры в эти годы остро чувствовалось Лихачевым. Он пережил свою среду: из жизни ушли не только его учителя и старшие собеседники, но и одноклассники, подельники по “Космической академии”. До этого в советском обществе существовала досоветская начинка, в 1970-е годы советский дух, казалось, охватил всё культурное пространство»⁸.

«Именно в это время Д.С. почувствовал себя одиноким» — Ленинград воспринимался им как «огромная могильная плита, роскошная, но всё же могильная и изрядно попорченная»⁹. Для М.И. процесс ухода в вечность людей его поколения произошел еще ранее. По словам Лихачева, они не могли наговориться и засиделись до вечера. (Баскаков в ходе разговора мрачно молчал; вероятно, он произвел на хозяина дома впечатление понятного, поскольку М.И. задал

мне вопрос: *а кто он по специальности?* Поскольку я тогда самого Баскакова не представлял и внешне, то отвечал незнанием, чем еще более озадачил Чуванова). По итогам данной поездки в апреле 1978 г. в Ухтомскую был командирован Бударagin. Что же касается Лихачева, то при ближайшей встрече он поблагодарил меня за радость знакомства с Чувановым. В свою же очередь и М.И. был необычайно рад визиту Д.С., с гордостью показывая подписанные им книги.

Дальнейшего развития отношения ИРЛИ с Чувановым по неведомым мне тогда причинам не получили. Я не считал для себя возможным проявлять интерес к делу, непосредственно меня не касавшемуся. Как позднее сообщил мне Бударagin, причиной охлаждения интереса Института к приобретению собрания Чуванова явилось носившее принципиальный характер требование его владельца издать описание старопечатных книг его собрания отдельной книгой, однако Пушкинский Дом мог тогда себе позволить лишь опубликовать данное описание в соответствующем разделе двух томов «Трудов Отдела древнерусской литературы». (Публикаторские возможности академических институтов в то время строжайшим образом регламентировались РИСО АН СССР, утверждавшим все издательские планы). Подобное предложение не могло заинтересовать Чуванова, а доводы о *планировании и листаже* не смогли убедить опытного полиграфиста, посвятившего книгоизданию большую часть жизни.

К этому следует добавить, что переговоры ИРЛИ с Чувановым хронологически почти совпали с резким обострением тлевшего в Институте конфликта, в ходе которого Баскаков лишился обоих занимавшихся постов, взамен чего приобрел строгий партийный выговор «с предупреждением» и запретом использовать впредь на любой руководящей работе в связи с осуществлявшейся им *пропагандой сионизма* — о чем он сам едва ли ранее подозревал. Трагикомическая исто-

рия, воспринимаемая ныне как скверный анекдот эпохи развитого застоя, в начале 1980-х гг. воспринималась иначе — в качестве ответственного идеологического мероприятия, на несколько лет занимавшего лучшие институтские умы и повлекшего серьезные организационные выводы, в том числе кадровые перестановки¹⁰.

Оплошностью ленинградцев не замедлили воспользоваться москвичи. В том же 1979 г. о намерении Чуванова определить собрание в государственное хранилище узнала И.В. Поздеева, и до того на протяжении многих лет бывшая с М.И. в добрых отношениях. Воззвав к его московскому патриотизму (а Чуванов был еще деятельным членом общества «Старая Москва») и предварительно получив согласие администрации Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина (ГБЛ), И.В. в конце года уговорила М.И. именно туда передать на постоянное хранение часть книг кириллической печати, а также личный архив и собрание различных рукописных материалов XIX–XX вв., в большинстве своем не относящихся к истории старообрядчества. В течение 1979–1980 гг. ГБЛ приобрела все эти разделы чувановского собрания, поступившие соответственно в отдел редких книг и отдел рукописей¹¹.

В соответствии с соглашением, в 1981 г. ГБЛ опубликовала каталог «Коллекция старопечатных книг XVI–XVII вв. из собрания М.И. Чуванова», подготовленный Поздеевой при деятельном участии самого М.И.¹² Выход в свет данного каталога послужил причиной резкого охлаждения отношения Чуванова к главной библиотеке страны. Каталог был издан силами редакционно-издательского отдела ГБЛ и, как все издания РИО ГБЛ, распространялся данным отделом самостоятельно, помимо книготорговых организаций. В порядке исключения тираж этого каталога составил 1500 экз. вместо обычных в практике РИО ГБЛ 990 экз. (Обычный для ведомственных РИО тираж не более 1000 экз. упрощал получение разрешения на выпуск в свет, т. к. не требовал согласо-

вания данного издания с планирующими структурами Госкомиздата). Увеличение тиража до 1500 экз. было связано с тем, что М.И. предварительно договорился с администрацией ГБЛ о том, что он выкупит сразу по выходе 500 экз. каталога. Несмотря на то, что письменное соглашение о том в виде гарантийного письма со стороны М.И. было подано заблаговременно, администрация ГБЛ не соблюла договоренность и по распоряжению дирекции весь тираж был пущен в свободную продажу, — сам же М.И. узнал об этом слишком поздно.

Вместо извинений и допечатки тиража каталога (им же частично оплаченного на стадии составления) Чуванов со стороны дирекции ГБЛ удостоился обращения, которое он расценил как совершенно неприличное. Между тем дирекция ГБЛ не понимала самой сути претензий М.И., задавая ему встречные вопросы: «Ну, мы же вам бесплатных 10 экз. каталога выделили, — вам что, мало? А у нас по темплану много заявок поступило — нам что, людям отказывать? И вообще, мы за вашу коллекцию вам большие деньги заплатили, а другие нам просто так дарят! Не понимаем, чего вы вообще от нас хотите». Для М.И. это был серьезный удар, поскольку он уже предвкушал торжество по случаю начала передачи собрания в ГБЛ; намеревался он и раздаривать каталог, который в итоге он не смог поднести даже близким друзьям и разослать в библиотеки старообрядческих общин в качестве образцового руководства по описанию старопечатных книг. Через пару лет М.И. сумел побороть свое предубеждение и заехал в ГБЛ, где обнаружил, что в отделе рукописей еще не приступили к описанию его архива. (Именно в эти годы шла жесточайшая внутренняя война между двумя группировками сотрудников данного отдела, неоднократно описанная в мемуарах и нашедшая отражение в СМИ. Всем было не до описания архива М.И., тем более, что отдел был закрыт на проверку фондов). Следствием сей сугубой бестактно-

сти со стороны дирекции ГБЛ было то, что Чуванов категорически запретил домашним после его кончины иметь какие-либо дела с главной библиотекой страны.

О собственной кончине М.И., как человек здравомыслящий и благочестивый, размышлял всегда, но никак не предполагал ее в ближайшем будущем. На десятом десятке он отличался завидным здоровьем. М.И. ежегодно совершал поездки на Новый Афон; осенью 1990 г. он намеревался торжественно отпраздновать свой 100-летний юбилей. То, что человек предполагает, сбывается далеко не всегда. Весной 1988 г., едва ли не впервые в жизни, М.И. попал в больницу (положили на обследование; диагноз не подтвердился, однако его сперва простудили, а затем выписали под расписку). Увиденное и пережитое в лечебном учреждении произвело на М.И. настолько тяжкое впечатление, что в его дотоле совершенном организме начались сбои и 15 апреля Чуванова не стало.

Почти сразу после погребения М.И. на Преображенском кладбище, с которым он был связан всю жизнь, домашних стали одолевать предложениями о продаже всего после него оставшегося: икон, рукописей, книг, реликвий. На семейном совете родные М.И., а именно его вдова Анна Григорьевна, дочь Валентина и внук Сергей решили, по мере возможности, не допустить распада собрания. В целом судьбу собрания они доверили старинному другу семьи В.Н. Смирновой — в то время полковнику внутренней службы (противопожарные формирования), даме решительной и волевой, в деловых и нравственных качествах которой у них не было сомнений. Следует отметить, что В.Н. являлась женой поэта Ю.А. Паркаева (1941–2013) — одного из крупнейших собирателей всего, что имеет отношение к С.А. Есенину и его окружению. (В свое время интерес к Есенину, с которым М.И. пребывал в дружеских отношениях еще со времени учебы в Народном университете имени А.Л. Шанявского, и послужил поводом к знакомству, которое перерос-

ло в многолетнюю семейную дружбу). По совету родных Чуванова в начале октября 1988 г. В.Н. позвонила мне и задавала вопрос: будет ли заинтересована БАН в приобретении его собрания?

К тому времени уже были составлены предварительные списки библиотеки, а также собрания старопечатных книг и рукописей. Более того: В.Н. отнесла их руководству Мосбуккниги для вынесения предварительного суждения об их стоимости. В кратчайшие сроки была произведена оценка всего собрания, причем произведена заочно, по спискам. Общая оценка собрания рукописей, книг кириллической печати, а также собрания книг по истории старообрядчества составила примерно 310000 руб. — сумму для 1988 г. огромную. Примерно в такую же сумму (если не в большую) была оценена коллекция книг с автографами (более 5000 книг XIX–XX вв., среди которых значительное количество инскриптов было адресовано самому М.И.). Доброжелательное руководство Мосбуккниги разъяснило В.Н. то, что реальная стоимость предлагаемого на букинистическом рынке была значительно выше, т. к. они сами в ряде случаев были вынуждены руководствоваться при оценке устаревшими нормативными актами и ведомственными инструкциями. Более того: в случае необходимости продажи руководство Мосбуккниги само изъявило желание и готовность приобрести полностью все позиции по обоим спискам. При всем том эти же букинисты советовали владельцам ни в коем случае не торопиться с продажей, мотивируя этот совет как прогрессирующим обесцениением денег, так и тем обстоятельством, что при продаже частями стоимость собрания может возрасти в 2–3 раза, а при аукционной продаже — на порядок. (Все хлопоты по ее организации «Мосбуккнига» обещала взять на себя). Владельцы, памятуя о воле Чуванова сохранить его собрание в качестве единого целого, поблагодарив, отказались от столь выгодного предложения.

Навестив родных М.И. в день его рождения — 14 октября (празднование он традиционно сдвигал на день, совмещающий с Покровом), я получил от В.Н. оба списка и по возвращении в Ленинград сразу же передал их в сектор рукописной книги ОРРК БАН А.А. Амосову. После тщательного их изучения нами совместно было принято решение ради успеха предприятия отказаться от приобретения коллекции книг с автографами¹³ (представлялось затруднительным объяснить необходимость приобретения имевшихся в БАН книг, при пожаре Библиотеки в 1988 г. не пострадавших) и всецело сосредоточиться на приобретении лишь собрания рукописей, кириллических книг, а также библиотеки по истории старообрядчества — общим объемом не менее 3184 ед. хр. (Формулировка «не менее» соответствовала тому, что отдельные книги были найдены после подачи списков в Мосбуккнигу, а также тем, что конволюты, как правило, были описаны по первому аллигату). В это число входили свыше 350 рукописей XVI–XX вв., в т. ч. лицевое Евангелие Филиппа Колычева с его вкладной записью; более 350 книг кириллической печати XVI–XX вв., в том числе Триодь Постная 1589 г. и Апостол 1597 г., свыше 130 ед. гектографированных изданий и свыше 2000 книг и периодических изданий по истории старообрядчества. Помимо этого при моем посещении наследников М.И. я постарался по мере возможности осмотреть дом и счел необходимым присоединить к отложенному для БАН собранию также коллекцию календарей (почти исчерпывающий до 1988 г. комплект печатных календарей всех старообрядческих согласий), а также подборку периодических изданий духовного содержания. (Стоит отметить полный комплект «Журнала Московской Патриархии», ранее принадлежавший секретарю редакции М.И. Комарову — другу, соседу и тезке М.И. Чуванова). Особо были присоединены хранившиеся в виде перевязанной россыпи материалы к ис-

тории Преображенской общины, о которых обстоятельно рассказала Н.А. Ефимова.

После изучения списков и принятия решения Амосовым и мною была поставлена в известность заведовавшая в то время ОРРК Л.И. Киселева. Опытнейший администратор, Л.И. в достаточной степени скептически отнеслась к возможности приобретения БАН за столь большую сумму всего чувановского собрания, однако составленную нами вдвоем служебную записку завизировала и лично представила в дирекцию. Вопреки ожиданиям, замысел приобретения данного собрания встретил со стороны и.о. директора БАН доктора педагогических наук В.П. Леонова благосклонное отношение: он сразу наложил положительную резолюцию и возложил на зам. директора М.А. Шапарневу обязанность нахождения необходимой для совершения сделки суммы, а на меня — ведения переговоров с наследниками. О принятом руководством БАН решении я сразу же сообщил в Москву и с этого времени (октябрь 1988 г.) начался собственно процесс покупки как таковой.

Наибольшие тяготы этого процесса легли на плечи Шапарневой. Напомню, что дело происходило в конце 1988 г. С одной стороны, советский рубль начал стремительно сползать в сторону снижения покупательной способности: хотя еще ничего не предвещало товарного голода 1990–1991 гг., страна уже была наводнена огромным количеством ничем не обеспеченных денег. Принятие в конце 1987 г. закона о кооперативах и практика выдачи государством т. н. «технических кредитов» (т. е. неконтролируемой эмиссии) сделали инфляцию необратимой. С другой стороны, средняя зарплата в СССР тогда составляла 154 руб., а на приобретение уникальных материалов БАН самостоятельно могла потратить не свыше 4000 руб.; еще 4000 руб. она могла потратить после разрешения Президиума АН СССР. Все, что хоть на рубль превышало эту сумму, БАН имела возможность

истратить лишь в следующем календарном году, причем для этого требовалось принятие соответствующего постановления Совета Министров СССР по предварительному о том согласованию с Госпланом СССР.

М.А. Шапарнева преодолела все преграды. По поручению директора БАН Амосов и Лепехин составили проект официального письма на имя Президента АН СССР Г.И. Марчука. Перед подачей в дирекцию я показал текст опытному в делопроизводстве чиновнику АН СССР — тот сразу же покрыл авторов сочной бранью, а затем *с ходу набело и не минуты при том не задумываясь* на моих глазах превратил три страницы «восторгов» в страницу безукоризненного академического канцелярита, после чтения которого резолюция могла быть только положительной. Так и произошло: с первого захода получив положительную резолюцию Марчука директивного порядка, М.А. отправилась собирать следующие, сперва по академическим, а затем по общесоюзным институтам.

Поиск средств оказался крайне непростым делом. Во-первых, все еще продолжала действовать магия цифр — отдать 325000 государственных рублей в частные руки казалось чем-то сомнительным. (Вслух этого не говорили, но в интонации некоторое недоумение е проскальзывало. Что именно БАН получала взамен — интересовало еще менее. Следует заметить, что в то же самое время отдача сумм несоизмеримо более крупных в руки т. н. «кооператоров» государством приветствовалось, ибо согласно причудливой логике т. н. «нового мышления» именно благодаря этому должен был начаться расцвет страны). Во-вторых, несмотря на изначально положительные резолюции, никто из чиновников не решался брать на себя малейшую ответственность, искренне не понимая, почему бумагу должен подписывать или визировать непременно он, а не коллега, более компетентный в данном вопросе. (При видимом расположении чиновников к М.А. скоро

она уже начала понимать, что начинает ходить вхолостую и по второму кругу). Энергия М.А. и она сама вызывали невольную симпатию (суть дела уже тогда мало кого интересовала): после того, как доброжелательные чиновники предельно точно объяснили ей порядок действий — в середине декабря Шапарнева вернулась в Ленинград триумфатором: все необходимые подписи были получены, после чего соответствующее решение Совмина было принято.

Сразу же после возвращения М.А. я позвонил в Москву и через пару дней В.Н. Смирнова и Ю.А. Паркаев уже были в Ленинграде. 22 декабря 1988 г. действующая на основании выданных ей наследниками Чуванова доверенностей В.Н. с одной стороны, и дирекция БАН (в лице вышеупомянутых Леонова, Шапарневой и ученого секретаря Н.П. Копаневой) — с другой, составили и подписали договор в простой письменной форме, согласно которому БАН в течение года обязалась выплатить наследникам в равных долях стоимость приобретаемого собрания в размере 325000 руб., Размер авансового платежа БАН был определен в 50000 руб., который должен быть внесен в течение двухнедельного срока после подписания договора. Сразу по получении наследниками авансового платежа БАН получала право забрать приобретаемое в размере поименованных в приложении к договору 3184 ед.хр. В тексте договора была сделана особая оговорка о том, что названная сумма не является окончательной, а таковая будет определена лишь после окончательного решения об оценке собрания М.И. Чуванова специальной комиссией, сформированной из сотрудников БАН и членов Ленинградского отделения Археографической комиссии АН СССР.

4 января 1989 г. авансовый платеж в размере 50000 руб. был переведен наследникам Чуванова. Откуда взялась сумма? Как это ни странно — помог произошедший 14–15 февраля 1988 г. в стенах БАН пожар, на ликвидацию последствий

которого сверху были спущены значительные суммы. На конец декабря 1988 г. в БАН оставались неизрасходованными свыше 50000 руб., которые следовало срочно употребить в дело, поскольку их перенос на следующий календарный год представлялся крайне нежелательным. Выплата авансового платежа представлялась идеальным выходом из этой ситуации. Дирекция БАН настаивала на скорейшем перемещении приобретаемого собрания — подготовка к его вывозу началась сразу после перевода аванса. Был издан приказ о командировании Амосова и меня в Москву. Во избежание непредвиденных случайностей была даже составлена обстоятельная инструкция, как и что следует делать, с которой мы были под роспись ознакомлены. По словам Амосова, впервые столкнувшегося за свою археографическую практику с такими мерами предосторожности, тщательность планирования грядущего перемещения чувановского собрания напоминало подготовку войсковой операции.

9 января 1989 г. в Ленинградском отделении Автобазы АН СССР был заказан предписанный инструкцией «закрытый металлический фургон дающий возможность опломбировки кузова с местом в кабине для сопровождающего лица». Ввиду того, что такового транспортного средства в реестре ленинградской автобазы не нашлось, крайне огорченный этим ее начальник лично позвонил своему московскому коллеге с просьбой оказать всяческое содействие в перевозе особо ценного груза.

Гораздо сложнее было найти упаковочные материалы. (В 2013 г. затруднительно представить реалии конца 1980-х — напомним лишь, что в 1989 г. уже начинал ощущаться товарный голод). Если потребное количество джутовой (полипропиленовой была тогда в диковинку!) веревки в «Ленакадемснабе» с трудом удалось получить, то в отношении мешков дело представлялось совершенно безнадежным. В вышеупомянутом учреждении их уже не было (все ушли

на ликвидацию последствий пожара в БАН), а ранее заказанные должны были быть «выбраны по лимитам» в течение календарного года. Не поступали мешки и в свободную продажу, а в продовольственных магазинах их скупали для своих нужд кооператоры. При посредничестве третьих лиц и при их поручительстве Амосов смог одолжить у одного из них 100 джутовых мешков с обязательством их возврата через неделю. Зам. директора БАН по общим вопросам Е.Р. Прокофьев лично выдал из своих тайников бухту полипропиленовой веревки, длинную большеразмерную иглу и ножницы, а также пломбиратор и пломбу. Подумав, со словами: «А это на всякий случай», — Е.Р. добавил еще горсть пломб, чем, с одной стороны, лишил таинство пломбирования сакрального значения, а, с другой, по-житейски здраво рассудил, что ГАИ вполне может заинтересоваться содержимым запломбированного фургона. Предосторожность была не лишней: в СМИ того времени начиналось антикоммунистическое остервенение, причем непременно поминались «привезенные в запломбированном вагоне большевики». Интерес к опломбированному фургону представлялся бы вполне оправданным. Последним напутствием Е.Р. было пожелание тщательно проверить заполнение шофером путевых документов — именно в связи с возможностью досмотра груза на дороге.

На «Красной стреле» 11 января Амосов и я прибыли в Москву; сразу отправились на Автопредприятие АН СССР, что на ул. Вавилова. Предупрежденный звонком своего ленинградского коллеги, ее директор принял нас без очереди и уточнил время и место подачи фургона, пояснив что поведет его один из лучших шоферов. Командировочные удостоверения мы отметили там же, в Автопредприятии. Далее с Казанского вокзала мы отправились в Ухтомскую, где нас уже ждали. Поскольку Амосов ранее никогда у М.И. не бывал, то после обеда нам был показан дом, тогда пребывавший в не-

тронутым состоянии. Все иконы, все лестовки, все портреты еще находились на своих местах, однако по полкам книг, до толе стоявших плотными неподвижными рядами, было видно, что их уже снимали (для описания). А.А. очень сожалел, что лично не застал Чуванова; в свою же очередь родные М.И. также весьма сожалели об его незнакомстве с Амосовым.

Почти сразу же после знакомства началась работа по поединичному приему всего собрания, продолжавшаяся почти два с половиной дня. После отметки в списке будущая единица хранения упаковывалась в бумагу или полиэтилен, после чего погружалась в мешок; последний прошивался полипропиленовой веревкой и обвязывался джутовой; к последней прикреплялся № (обычная каталожная карточка). Работа выполнялась вдвоем и была достаточно если не трудоемкой, то затратной по времени; час прибытия фургона определял предел отпущенного нам срока. В целом сверка была завершена к вечеру 12 января и был подписан акт приема-передачи; следующий день 13 января был всецело посвящен упаковке: всего было сформировано 66 мешков, набитых не под завязку.

Ввиду того, что в кабине фургона предусматривалось место лишь для одного сопровождающего, в тот же вечер Амосов с наиболее ценными рукописями (два места ручной клади) на «Красной стреле» отправился в Ленинград. Примерно в 22 часа я с ним расстался на платформе Ухтомская — через четверть часа А.А. прибыл на Казанский вокзал, пересек Комсомольскую пл. и отбыл в БАН.

14 января в 6.00 «закрытый металлический фургон, дающий возможность опломбировки кузова с местом в кабине для сопровождающего лица» и с шофером Сергеем за рулем уже стоял у калитки дома по ул. Розы Люксембург. Погрузка мешков (я носил, Сергей укладывал) заняла более часа. После пломбирования кузова и прощания с Анной Григорьевной и Валентиной Михайловной двинулись в путь. По предварительным расче-

там Амосова, дорога должна была занять 10–12 часов, в зависимости от наполнения трассы. Тем не менее, действительность внесла свои коррективы: в связи с тем, что мост через верховья Волги в тот день был закрыт из-за поломки, пришлось двигаться в объезд по дороге, для такого скопления транспорта непригодной, отчего образовалась пробка. Был прекрасный солнечный день, слегка морозило; почти все время я дремал в кабине. В итоге вместо расчетных 18 часов вечера фургон прибыл в БАН около 4 часов утра.

Все это время прибывший накануне утром прямо с вокзала в БАН Амосов не покидал отдела и изрядно поволновался. Мобильные телефоны в СССР распространения в ту пору вообще не имели (и даже пейджер представлялся технической новинкой), а посему А.А. не знал, что и предположить. Не менее переживал шофер, не знавший, как сообщить жене о том, что с ним все благополучно. По приезде звонком из отдела Сергей успокоил супругу, после чего был произведен предписанный инструкцией «осмотр целостности пломбы», затем мешки были извлечены из фургона. Разгрузка происходила в обратном порядке: Сергей подавал, я относил в вестибюль. После очищения фургона Сергей с нескрываемой радостью его запер, наотрез отказался от чая, «дал по газам» и умчался в сторону Москвы. Я вносил мешки в помещение Рукописного отдела, а Амосов выстраивал их в порядке номеров по обе стороны коридора. Пространство это с 1925 года неоднократно запечатлено на фотоснимках — столь совершенна перспектива, оттененная перепадом высот шкафов и витрин... Столь благоприятного и быстрого исхода еще три месяца назад казавшегося совершенно несбыточным предприятия мы не ожидали и нас переполняла радость от содеянного, отчего с мешками коридор смотрелся еще прекраснее. (Велико было сожаление об отсутствии в тот момент фотоаппарата). Первое, что мы сделали, прежде чем приступить к запоз-

далой новогодней трапезе, — это составили предписанный инструкцией акт о том, что «пломба на фургоне нарушена не была и все 66 мешков прибыли в неповрежденном состоянии».

По сочетанию житейского практицизма с суеверием, было решено воздержаться от распространения сведений о приобретении БАН собрания М.И. Чуванова до полного расчета с его наследниками. Начиная с 25 января Шапарнева принялась изыскивать те средства, в отношении выделения которых уже были приняты соответствующие решение Президиума АН СССР и постановление Совета Министров СССР. Как только деньги в БАН поступали, то они сразу же переводились по назначению. (Если мне не изменяет память, то было три перевода. С благодарностью вспоминаю бухгалтера С.В. Сизову, на которую было возложено ведение всей финансовой документации по этой сделке, а также секретаря З.И. Хохлову, контролировавшую документооборот). К обусловленному договором сроку 22 декабря 1989 г. уже поступила большая часть суммы, а полностью расчеты были завершены в марте 1990 г. О новостях «с финансового фронта» М.А. сразу сообщала Амосову и мне, как ранее рассказывала о странствиях в кабинетах чиновников, — с присущим ей воодушевлением и даром эпического повествования.

Одновременно в течение 1989–1990 гг. систематически проводились заседания экспертно-оценочной комиссии в следующем составе: А.А. Амосов, Н.Ю. Бубнов, В.П. Бударагин, М.Ю. Гордеева, Л.А. Дмитриев, Л.И. Киселева (председатель), А.И. Копанев, Н.П. Копанева, М.П. Лепехин, О.П. Лихачева, А.С. Мильников, Л.А. Петрова, М.И. Фундаминский. Как правило, заседания проходили раз в полтора-два месяца. Все издания были поединично расценены и поставлены на постоянный учет.

В октябре 1990 г. к 100-летию юбилею М.И. Чуванова состоялось заседание Научно-методического семинара «Из ис-

тории отечественной книжной культуры», проводимого Научно-исследовательским отделом истории книги БАН и ВКЦ «Русская энциклопедия» с сентября 1990 г. по март 1993 г. К заседанию Научно-исследовательский отдел рукописной и редкой книги подготовил выставку наиболее примечательных книг и рукописей Чувановского собрания. Были заняты все витрины; на пространстве, некогда покрытом драгоценными мешками, столь же чинно выстроились слушатели, внимавшие рассказам Амосова, Бубнова и моим. После осмотра поднялись в конференц-зал.

Открывая заседание, член-корреспондент АН СССР Л.А. Дмитриев подчеркнул, что по своему значению из числа поступивших в государственные хранилища за последние три четверти века новоприобретенное собрание М.И. Чуванова сопоставимо с такими собраниями, как Е.Е. Егорова, В.Г. Дружинина, М.Н. Тихомирова и И.Н. Заволоко. Что же касается характеристики количественной, то в этом отношении собрание Чуванова сопоставимо только с коллекцией Егорова. (Здесь следует уточнить, что собрание Егорова явилось первым собранием, поступившим в государственные хранилища после марта 1917 г., а собрание Чуванова — последним крупным собранием советского периода российской истории. — М.Л.).

О поступлении Чувановского собрания в БАН как о наиболее значимом событии года Л.А. Дмитриев, А.И. Копанев и А.А. Амосов говорили в ноябре 1990 г. на ежегодном заседании Ленинградского отделения Археографической комиссии АН СССР. Вторично наиболее выигрышные в зрелищном отношении книги и рукописи из собрания Чуванова были экспонированы в середине августа 1991 г. на небольшой выставке, организованной в БАН к Конгрессу соотечественников.

Практически сразу же материалы Чувановского собрания БАН стали объектом научного описания — в начале XXI века трудами Н.Ю. Бубнова¹⁴ и Ф.В. Пан-

ченко¹⁵ часть составленных ими описаний уже опубликована.

К настоящему времени поступившее в БАН собрание Чуванова в составе рукописей, книг кириллической печати, гектографированных изданий, собрания книг по истории старообрядчества полностью описано и доступно исследователям. Хранящиеся в РГБ книги кириллической печати и архив М.И. также полностью описаны и доступны. Оставшееся в семье собрание книг с автографами разошлось через букинистические магазины и аукционы¹⁶. К сожалению, за четверть века, прошедшие со времени кончины Чуванова, не появилось в свет ни его обстоятельное жизнеописание, ни краткое обозрение собранных им сокровищ. Излишне говорить, что житнетворческий опыт М.И. явил собою одно из высших достижений русского книгособирательства XX века, и Чувановское собрание в стенах Библиотеки Российской академии наук является наглядным тому примером.

Целью данной статьи являлось уточнение предыстории и истории поступления в БАН собрания М.И. Чуванова — как по сохранившимся документам, так и по личным о том воспоминаниям автора статьи и сопричастных этому событию лиц. Благодарю Н.Ю. Бубнова и В.П. Бударagina, высказавших ряд уточнений к повествованию о событиях четвертьвековой давности, а Н.А. Ефимову — за предоставление документов, относящихся к этому бесценному приобретению.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья представляет собой дополненный вариант одноименного доклада, прочитанного 14 июня 2012 г. на юбилейных научных чтениях БАН «Жизнь с книгой: Проблемы изучения рукописной и печатной книги», посвященных юбилеям И.Н. Лебедевой, Е.А. Савельевой, Н.Ю. Бубнова.

² Частично учтены: *Ильина О.Н.* Изучение личных библиотек в России: Материалы к указателю литературы на рус-

ском языке за 1934–2006 гг. СПб.: Сударья, 2008. С. 409.

³ Наиболее содержательные: *Иващенко Н.* История одного собрания // Альманах библиофила. М.: Книга, 1977. Вып. 4. С. 93–100; *Иващенко Н., Коршунова Н.* Собиратель // Там же. 1985. Вып. 18. С. 101–144; Вып. 19. С. 125–153; *Гринберг М.Л.* 1) Сокровища Михаила Чуванова // Москва. 1981. № 9. С. 173–179; 2) Собиратель // Памятники Отечества. М.: Советская Россия, 1984. № 2. С. 88–101; 3) От автора // Зеленогорский Михаил. Жизнь и труды архиепископа Андрея (князя Ухтомского). Изд. 2-е, дополн. М.; Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим, 2011. С. 5–14; *Миролюбов И.М.* К 90-летию М.И. Чуванова // ЖМП. 1981. № 1. С. 54–56; 2) М.И. Чуванов. (К 95-летию со дня рождения) // Старообрядческий церковный календарь на 1986 год. Рига, 1986. С. 59–60; *Мацнев С.* Памяти М.И. Чуванова // ЖМП. 1988. № 10. С. 60–61; *Сморгунова Е.М.* 1) Памяти М.И. Чуванова (1890–1988) // Старообрядчество: История, культура, современность. М., 1995. № 5. С. 67–71; 2) Два века московского Преображенского некрополя: Материалы из архива М.И. Чуванова // Мир старообрядчества. М., 1995. Вып. 2. С. 196–210; Старообрядчество: Лица, события, предметы и символы: Опыт энциклопедического словаря / сост. С.Г. Вургафт, И.А. Ушаков. М.: Церковь, 1996. С. 308–310.

⁴ *Ефимова Н.А.* Материалы старообрядческой Преображенской общины в архиве М.И. Чуванова // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. СПб.: БАН, 2013. [Вып. 6.] С. 295–299.

⁵ *Мальшев В.И.* Москвичи — собиратели письменной и печатной старины // ТОДРЛ. Т. XXI: Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы. М.; Л.: Наука, 1965. С. 388–389.

⁶ *Лавров В.В.* Книжная лихорадка. Москва, вторая половина XX века: печатные сокровища, библиофилы, букинисты.

Детектив в лицах, документах, воспоминаниях и легендах. М.: Книжный клуб «36,6», 2007. С. 190–206.

⁷ Кончаковский А.П. Легенды и были дома Турбиных. Киев: Факт, 2008. С. 225.

⁸ Зубок В. Д.С. Лихачев в общественной жизни России конца XX века. СПб.: Европейский Дом, 2011. С. 37.

⁹ Там же. С. 38.

¹⁰ См.: Лауров А.В., Фомичев С.А. Дело о «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома» // In memorem: Сборник памяти Владимира Аллоя. СПб.: Феникс; Париж: Atheneum, 2005. С. 418–456.

¹¹ См.: Собрание рукописных книг М.И. Чуванова: краткие сведения // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М.: Книга, 1983. Вып. 44. С. 114–115.

¹² Коллекция старопечатных книг XVI–XVII вв. из собрания М.И. Чуванова: Каталог / ГБЛ. Сост. И.В. Поздеева при участии М.И. Чуванова. Под ред. Е.Л. Немировского. М.: ГБЛ, 1981. 200 с.

¹³ Описание наиболее интересных см.: Ласунский О.Г. Двадцать тысяч друзей: (о собрании книг с автографами писателей коллекционера библиофила М.И. Чуванова // Подъем. 1967. № 4. С. 159–163; К заседанию, посвященному 90-летию старейшего московского библиофила Михаила Ивановича Чуванова. Выбороч-

ный каталог книг с автографами. 17 апреля 1980 года // Клуб библиофилов Центрального Дома архитекторов. Предисл. Ф. Медведева. М., 1980. 24 с.

¹⁴ Сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII века / сост. Н.Ю. Бубнов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. (Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук. Т. 7, вып. 2); Лицевые старообрядческие рукописи XVIII – первой половины XX века / сост. Н.Ю. Бубнов, Е.К. Братчикова, В.Г. Подковырова. СПб.: БАН, 2010. (Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук. Т. 10, вып. 1); Старообрядческие гектографированные издания Библиотеки Российской академии наук, последняя четверть XIX – первая четверть XX вв.: Каталог изданий и избранные тексты / сост. Н.Ю. Бубнов. СПб.: БАН, 2012.

¹⁵ Певческие книги выголексинского письма XVII – первой половины XIX века / сост. Ф.В. Панченко. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. (Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук. Т. 9, вып. 1).

¹⁶ См.: Сеславинский М.В. Аромат книжного переплета: отечественный индивидуальный переплет XIX–XX веков. М.: Астрель, 2008. С. 424–441.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОХРАНЕНИИ КНИЖНЫХ ПАМЯТНИКОВ ИЗ ФОНДОВ БАН (на примере собрания Радзивиллов)

И.М. Беляева, Е.В. Чиляева, Е.А. Тилева, М.А. Белинская

Сохранение культурного наследия и обеспечение доступа к интеллектуальным богатствам фондов — одна из основных задач, стоящих перед современными библиотеками во всем мире, поскольку важным условием духовного развития общества является преемственность культурных ценностей и доступность их для будущих поколений в первозданном виде.

Проблема обеспечения оптимальных условий для сохранения книжных памятников и одновременно обеспечение доступа к ним для возможно более широкого круга читателей — сложная, многоаспектная задача, в разрешении которой участвуют специалисты из разных областей, — хранители и консерваторы, химики, биологи, реставраторы и программисты. Библиотека Российской академии наук (БАН), первая государственная библиотека, учрежденная в 1714 г. по указу Петра I, всегда уделяла много внимания вопросам сохранения памятников истории и культуры, и в настоящее время обеспечение сохранности фондов является одним из основных направлений исследований и практической деятельности специалистов БАН.

Одно из собраний, сохранению которого в БАН уделяется особое внимание, — книги из фонда первой Несвижской ординатской замковой библиотеки князей Радзивиллов, поступившей в Библиотеку академии наук в 1772 г.¹ По всеобщему признанию, библиотека Несвижской ординации — самая крупная частная книжная коллекция среди Радзивилловских и богатейшая в белорусских землях Великого княжества Литовского. Первый исследователь библиотеки Радзивиллов, заведующий Славянским отделом БАН Э.А. Вольгер отмечал, что библиотека

Несвижского замка создавалась как важнейшее орудие в идейной борьбе периода контрреформации — оплота католицизма в Великом княжестве Литовском.

Книжную культуру Великого Княжества Литовского XVI — середины XVII вв. невозможно представить без деятельности представителей крупнейших аристократических родов этого государства. Коллекционирование книг стало среди аристократов модой. Крупнейшие светские и церковные вельможи, элита литовской знати — Радзивиллы, Сапеги, Волловичи, Зеновичи, Ходкевичи — не только занимались собиранием книг, но и сами их издавали. Однако, лишь немногие из магнатов могли оценить книгу как источник просвещения и знаний. Среди таких следует отметить представителей рода князей Радзивиллов и первого собирателя замковой библиотеки Николая Христофора Сиротку (1549–1616), который особенно интересовался географией, медициной, хорошо знал иностранные языки.

В Отделе фондов и обслуживания хранятся две части коллекции из Библиотеки Радзивиллов: в Славянском фонде — польские книги XVI–XVIII вв. и в фонде Бэра — книги на европейских языках, латыни, греческом. Работы по реконструкции коллекции были начаты в 1998 г. с выявления книг на польском языке в составе Славянского фонда. Было выявлено более пятисот книг с экслибрисами и владельческими записями радзивилловской коллекции. Результатом серьезной и кропотливой работы сотрудников стал выход библиографического указателя «Собрание польских старопечатных книг в Славянском фонде БАН. Несвижская ординатская библиотека Радзивиллов» в 1999 г. — первое издание,

и в 2005 г. — второе, исправленное и дополненное².

В процессе работы с книгами XVI–XVIII вв. остро встал вопрос сохранности каждого экземпляра.

Работа по созданию фактографической базы данных (БД) по сохранности «Библиотеки Радзивиллов. Славянский фонд» была начата в 2008 г. В разработке и организации базы данных участвовали три отдела БАН — Научно-исследовательский отдел консервации и реставрации библиотечных фондов (НИОКиРФ), Отдел фондов и обслуживания (ОФО), Научно-исследовательский отдел информатики и автоматизации (НИОИА).

В 90-е гг. прошлого века в БАН была разработана технология создания фактографического описания библиотечных фондов, индивидуальные информационные карты-описания для документов коллекций (ИК) и программное обеспечение фактографической БД для превентивной консервации фонда на основе СУБД MS ACCESS^{3,4}.

Информационные карты создаются специально для каждой коллекции и содержат от 30 до 150 параметров, большая часть которых непосредственно связана с сохранностью документа и отражает состояние его материальной основы (описание материалов и повреждений, результаты тестов и проб). Эти параметры представлены в номинативных, интервальных и метрических шкалах. Статистический анализ собранных данных позволяет оценить как состояние отдельного документа, так и коллекции в целом и запланировать необходимые работы по консервации и реставрации, оценить их объем, сложность и возможные сроки выполнения. В большинстве случаев вместе с фактографическим описанием документы коллекции переводятся в форму фазового хранения, хорошо зарекомендовавшего себя благодаря надежности, сравнительно низкой стоимости и универсальности относительно нового способа хранения документов (с 70-х гг. XX в.) в защитных конвертах и контейнерах из инертных

материалов, обладающих заданными барьерными и физико-химическими протекторными свойствами^{5,6}.

В течение пяти лет, начиная с 2008 г., издания из собрания Радзивиллов, выявленные в Славянском и Иностранном фонде ОФО БАН, были переведены в форму фазового хранения, описаны по информационным картам с занесением данных в электронную фактографическую БД.

Основой БД стали 532 издания, описанные в библиографическом указателе, а также данные из информационных карт на эти издания. Учитывая позитивный опыт создания фактографической базы данных «Библиотека Радзивиллов. Славянский фонд», в 2010 г. была начата работа по выявлению, описанию книг и созданию аналогичного ресурса в иностранном фонде «Коллекция книг из Библиотеки Радзивиллов в составе фонда Бэра». Для этого была просмотрены de visu 21 200 изданий XVII–XVIII вв. из фонда Бэра для определения принадлежности к коллекции. Выявлены 333 издания и составлены описания в информационных картах, все книги помещены в микроклиматические контейнеры. В 2011 г. все описания внесены в БД. Результатом работы 2012 г. стало внесение дополнений и изменений в составленные описания. Следующий этап, осуществленный в 2013 г., позволил конвертировать уже имеющиеся фактографические БД по сохранности в Российский коммуникативный формат представления библиографических записей — UNIMARC для дальнейшего использования в программном обеспечении (ПО) ИРБИС, которое в данный момент является основным ПО БАН.

Пользователи ПО ИРБИС делятся на два типа: непосредственные хранители фондов и специалисты, занимающиеся прикладными вопросами сохранности: консерваторы и реставраторы. Для пользователей-хранителей открываются обычные рабочие листы для ввода и поиска библиографической информации.

Пользователи-консерваторы вносят свои данные в особую вкладку рабочего листа ввода – Консервация и сохранность (рис. 1). В формате просмотра при вводе информации отображается индивидуальная информационная карта-описание документа в части, относящийся к консервации и сохранности (рис.1). Кроме этого данному типу пользователей доступны словари, созданные на основе полей, содержащих информацию по параметрам консервации и сохранности (рис 1).

Средства поиска данного ПО позволяют создавать и сохранять на постоянной основе всевозможные запросы, необходимые для статистического анализа данных по консервации и сохранности. Кроме этого, имеется возможность получать в печатном виде индивидуальную информационную карту-описание документа и формировать библиографические указатели в автоматизированном режиме.

В настоящее время на основе анализа данных фактографической БД проводится консервационный мониторинг⁷ и пла-

новые реставрационные работы, которые требуют высокой квалификации специалистов-реставраторов.

Общее количество записей в базе данных «Библиотека Радзивиллов. Славянский фонд» составляет 556 записей, в «Коллекции книг из Библиотеки Радзивиллов в составе фонда Бэра» – 681 запись. Таким образом, проделана большая работа, направленная на выявление экземпляров из библиотеки Радзивиллов, составление описаний, информационное обеспечение сохранности каждого экземпляра коллекции, постоянный мониторинг физического состояния документов с фиксацией результатов и сроков проведения консервационных работ для каждого документов, в перспективе, предоставление полного информационного ресурса исследователям коллекции.

Количество изданий XVI – середины XVII вв. из Библиотеки Радзивиллов в составе фонда Бэра составляет 11% от общего количества (74 ед.), в Славянском фонде – 8% от выявленных изда-

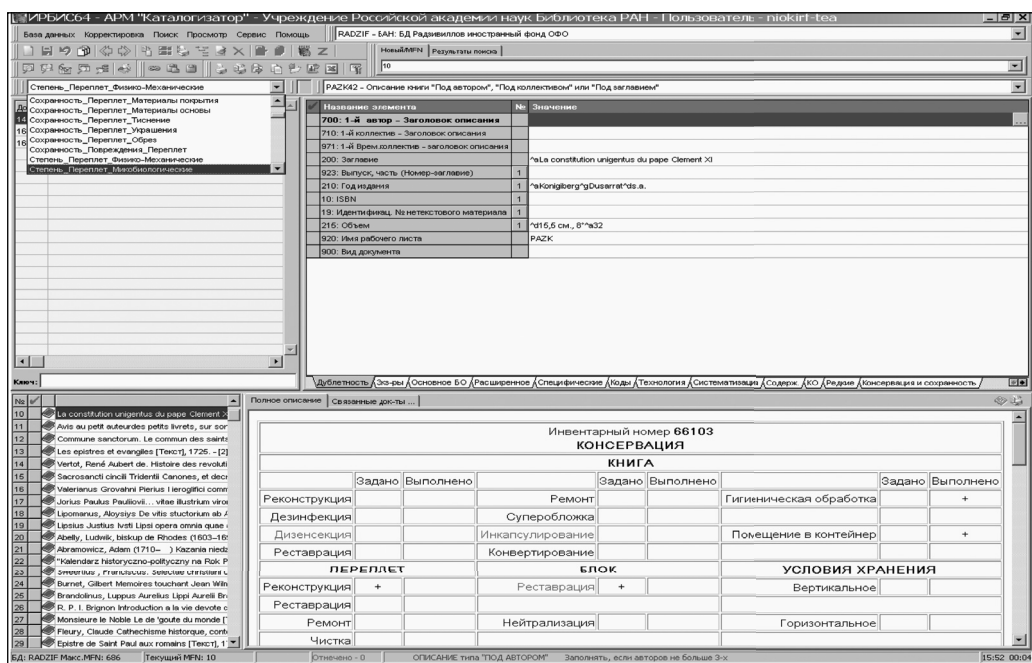

Рис. 1. Вкладка рабочего листа ввода «Консервация и сохранность»

ний. Эти два фрагмента книжного собрания дают ценнейшую информацию для исследователей. Возможности поисковой системы ИРБИС достаточно широки. Поиск можно осуществлять по языковому и географическому признакам. Так, проанализировав исследуемый период (XVI — середина XVII вв.), можно отметить, что Радзивиллы, как представители политической элиты своего времени, собирали книги по истории и географии различных государств, богословию, истории церкви, философии, медицине, военному делу. Они изданы в Париже, Риме, Венеции, Кельне, Антверпене, а также в типографиях городов Польши, Украины, Белоруссии, Литвы.

Таким образом, фактографические БД по сохранности, как часть комплек-

сной системы обеспечения сохранности и доступности фондов БАН [5,6], позволяют оперативно управлять консервацией, контролировать состояние коллекции, планировать консервационные и реставрационные работы, оценивать их объем, координировать работу различных специалистов, занимающихся обеспечением сохранности фондов. В настоящее время одним из перспективных направлений консервации является так называемая косвенная консервация — введение в оборот копий оригинала документа, в том числе и электронных, что позволяет существенно снизить эксплуатационную нагрузку оригинала. При этом важно помнить, что создание цифровых копий редких и ценных документов сопряжено с большим объ-

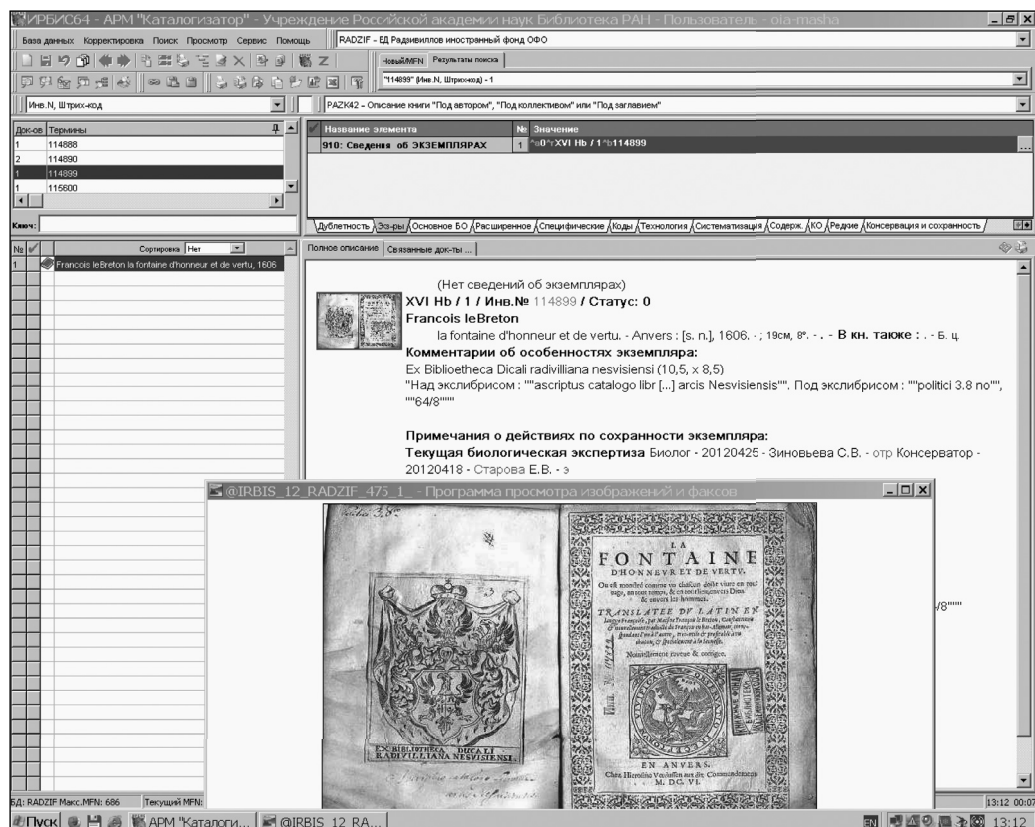

Рис. 2. АРМ «Каталогизатор»

емом предварительных работ — необходима тщательная подготовка каждого памятника к оцифровыванию, которая включает комплекс консервационных и реставрационных мероприятий, снижающих риск негативных воздействий при сканировании.

В будущем использование данных информационных средств открывает перед специалистами, а позже, вероятно, и перед читателями, широкие возможности. Так, например, присоединение изображений и сканов позволит предоставить более полный материал о документе, его виде и физическом состоянии, вплоть до доступа к электронной копии (рис. 2).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ СПб филиал Архива РАН. Ф. 158, оп. 2, №124а «Заметки и выписки Э.А. Вольтера по истории, состоянию и разборке Радзивилловской библиотеки». 31 л.

² Собрание польских старопечатных книг в Славянском фонде БАН. Вып. 1: Несвижская ординатская библиотека Радзивиллов / сост. О.В. Гусева, Е.В. Комиссарова. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2005. 327 с., 11 л. ил.

³ Азарова И.В., Гладкий А.И., Евстафьева Р.И., Захаров В.П., Левашова Л.Г., Нюкша Ю.П., Питулько Г.И., Скворцова О.В., Старова Е.В. Фактографическая база данных при консервации библиотечных фондов // Материалы Междуна-

родной научно-практической конференции «Будущее прошлого: расширение доступа и сохранность коллекций», Санкт-Петербург, 20–22 сент., 2000 г. СПб., 2000. С. 108–114.

⁴ Леонов В.П., Беляева И.М., Нюкша Ю.П., Левашова Л.Г., Старова Е.В., Евстафьева Р.И. Комплексная система обеспечения сохранности и доступности библиотечных коллекций // Сохранение культурного наследия библиотек, архивов и музеев: материалы Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 14–15 февр. 2003 г. СПб., 2003. С. 30–37.

⁵ Беляева И.М. Превентивная консервация как перспективное направление обеспечения сохранности фондов научных библиотек. Автореферат дисс. ...канд. пед. наук, СПб., 2001. 22 с.

⁶ Уотерс П. Сохранение культурного наследия библиотек: Избранные работы / Питер Уотерс; перевод с англ. Н.И. Ящугина, И.М. Беляевой, Л.Г. Левашовой; сост., отв. ред. и предисл. В.П. Леонова; послесл. И.М. Беляевой. СПб.: БАН, 2005, 124 с.

⁷ Старова Е.В., Тилева Е.А., Скворцова О.В. Консервационный мониторинг документов из Библиотеки Петра I на основе анализа компьютерной базы данных по превентивной консервации «Библиотека Петра I» / Е.В. Старова, Е.А. Тилева, О.В. Скворцова // Сборник научных трудов (по материалам научных конференций БАН). СПб.: БАН, 2010. С. 53–59.

УКАЗАТЕЛЬ СПРАВОЧНЫХ ИЗДАНИЙ О ДЕЯТЕЛЯХ НАУКИ И ТЕХНИКИ – НОВАЯ РАБОТА СБО БАН

Н.В. Бекжанова, А.Э. Жабрева, Н.А. Сидоренко

Поиск фактических сведений о персонах является одним из самых востребованных и не всегда легко реализуемых видов справочно-библиографического обслуживания читателей. Биографические словари и справочники в значитель-

ной степени помогают разрешению таких вопросов. Созданию более комфортных условий поиска биографических сведений способствуют немногочисленные в отечественной и мировой практике библиографические пособия справочно-

биографических изданий. Общий список всех лиц, полученный путем поименной росписи учтенных в указателе словарей и справочников, выступает в роли путеводителя по большому количеству изданий. Опубликованные пособия такого типа широко известны, постоянно используются в работе, т. к. практически не утрачивают своей информационной ценности.

С середины 1990-х гг. работа в этом направлении ведется в Справочно-библиографическом отделе Библиотеки Российской академии наук. Первый тематический выпуск был опубликован в 2012 г. под названием «Участники Великой Отечественной войны на страницах биографических и биобиблиографических словарей и справочников: аннот. библиогр. указ. (1956–2000 гг.)» (СПб.: БАН, 2012. Ч. 1–2. 1094 с.) (http://www.rasl.ru/e_editions/Chel-na-voyne_1.pdf; http://www.rasl.ru/e_editions/Chel-na-voyne_2.pdf). На апрель-май 2014 г. намечен выход в свет второго выпуска. По аналогии с первым он получил название «Отечественные деятели науки и техники на страницах биографических и биобиблиографических словарей и справочников: аннот. библиогр. указ. (1956–2000 гг.)».

Авторы-составители видели свою цель в том, чтобы очертить репертуар справочно-биографических и подобных изданий о деятелях науки и техники, сложившийся во второй половине XX в., а также представить круг лиц, сведения о которых отразились на страницах сформированной коллекции пособий.

Издания для настоящего указателя (далее Указатель) были выделены из составленной в СБО картотеки универсального содержания, которая носит рабочее название «Русские биографические и биобиблиографические словари и справочники, 1956–2000 гг.» и включает обозначенные в названии и родственные им издания об отечественных деятелях. Часть картотеки, включающая издания о деятелях науки и техники, была существенно доработана и допол-

нена. В результате для Указателя было отобрано 1286 изданий на русском языке, вышедших в свет в период с 1956 по 2000 г. на территории СССР (после 1991 г. — на территории Российской Федерации).

Основным принципом отбора было тематическое соответствие изданий общей идее готовящегося пособия — «Наука и техника». Авторы-составители исходили из расширительного понимания терминов «наука» и «техника», рассматривая их как всеобъемлющие и многогранные сферы человеческой деятельности, оказывающие влияние на различные стороны жизни общества и на прогресс в целом. Поэтому в Указатель были включены издания и о крупных представителях фундаментальной и прикладной науки, и о людях, применяющих свои научные знания на практике, в повседневной работе (в том числе, об инженерах, врачах, педагогах и др.).

Авторы-составители руководствовались уже сложившимися традициями формального отбора изданий для Указателя: биографический профиль справочного (или иного) издания в целом или наличие в издании блока биографической информации; наличие в одном издании информации не менее чем о трех персонах; представление биографической информации в издании хотя бы минимальным перечнем фактов (издания списочного характера не учитывались).

Таким образом, наряду с универсальными справочниками (о представителях разных научных дисциплин), в Указатель вошли биографические издания, посвященные деятелям отдельных отраслей науки и промышленности, узкоспециальные биографические словари, издания о сотрудниках различных коллективов (вузов, НИИ и др.), членах научных обществ, об исследователях территорий, регионов, природных объектов, об ученых комплексных научных направлений (славяноведение, востоковедение) и др.

В типологическом отношении выявленный документальный поток форми-

руется тремя типами изданий: 1) биографическими и биобиблиографическими словарями и справочниками; 2) сборниками биографий; 3) полибиобиблиографическими пособиями. Соотношение указанных типов в данном массиве изданий выражается пропорцией 54:41:5 соответственно. Издания первого типа определенно преобладают в потоке. Доля сборников биографических материалов также значительна. Полибиобиблиографические пособия занимают скромное третье место. Наличие большого процента сборников биографий в выявленном документальном потоке дает основание называть всю совокупность источников информации изданиями коллективной биографии.

Группа изданий **классической справочной биографики** не является однородной и распадается на несколько видов:

- ♦ биографические словари и справочники составляют большинство в группе и могут содержать сведения об ученых одного региона, города, вуза; о представителях одной научной дисциплины;

- ♦ биобиблиографические словари и справочники помимо биографических сведений содержат списки трудов включенных персон, а зачастую, и литературу о них;

- ♦ справочники академий наук, учреждений, обществ — подтип кратких биографических словарей выраженного коммуникативного назначения;

- ♦ издания типа «Кто есть кто» могут включать данные о здравствующих деятелях одного учреждения, представителях одной научной специальности, комплексного научного или научно-промышленного направления.

Как правило, **сборники биографий** содержат развернутые очерки о жизни и деятельности представителей науки и техники. Биографический материал чаще изложен в форме научной биографии, реже в научно-популярном или беллетризованном стиле. В данную группу входят также сборники, включающие такие виды биографического сообщения как не-

крологи, автобиографии, воспоминания, интервью, беседы.

Третий тип изданий коллективной биографии — **полибиобиблиографические пособия** — представлен двумя подтипами: научно-вспомогательными и рекомендательными указателями. И те, и другие включают краткие или очень краткие биографические справки; библиографические списки трудов, в первом случае, близки к исчерпывающим, во втором — носят выборочный, рекомендательный характер.

Необходимо отметить, что каждый из трех типов публикаций в учетном массиве мог быть реализован и как отдельная книга, и как составная часть издания (раздел или приложение). В целом, аналитический материал составляет пятую часть Указателя.

Биографическая (биобиблиографическая) справка и биографический (биобиблиографический) очерк — два типа биографического сообщения, которые наиболее часто встречаются в учетных изданиях; они широко варьируются по объему, полноте, отбору сообщаемых сведений, степени детализации, стилю изложения в зависимости от характера и общего замысла издания. Добавим, что почти половина учетных изданий содержит портреты деятелей науки и техники.

Говоря о динамике выхода в свет рассматриваемых изданий, следует обратить внимание на значительное количественное нарастание потока, которое началось в 1990-х гг. Половина всех включенных в Указатель книг вышла именно в последней декаде учетного периода (1990–2000), причем ведущим типом справочной биографики становятся издания первой группы, за счет резкого притока собственно биографических словарей и справочников.

Анализ учетных изданий по месту их публикации позволяет выделить наиболее крупные издательские центры: первое место со значительным отрывом занимает Москва (42%), на втором месте С.-Петербург (Ленинград) (11%). Чуть

менее половины изданий (47%) было напечатано в других городах Российской Федерации (СССР), общее число которых приближается к ста.

Говоря о соотношении в выявленном массиве книг о деятелях академической, отраслевой и вузовской науки, необходимо иметь в виду, что большую его часть (59%) составляют издания, в которых учтены представители российского научного мира в целом, т. е. в одной книге собраны биографические справки и о преподавателях вузов, и о сотрудниках академических и отраслевых НИИ. Ученым Российской академии наук (АН СССР, Императорской АН), ее подразделений, а также академий наук союзных республик бывшего СССР посвящено 14% изданий, профессорам и преподавателям вузов — 19%, сотрудникам отраслевых научно-исследовательских институтов и академий — всего 6% изданий.

Характерной особенностью документального потока является широкая палитра авторских мотивировок и идей при подготовке изданий коллективной биографии. Обращают на себя внимание разнообразие признаков, объединяющих персоны в одно издание, и их сочетаемость.

Анализ учтенных изданий по содержанию показывает, что массив складывается из двух неравных частей: универсальной (~25%) и отраслевой (~75%), в соответствии с чем и была построена достаточно детальная структура Указателя.

Часть I «Труды общего характера о деятелях науки и техники» охватывает издания, на страницах которых встречаются представители разных областей знания. Она открывается разделами, посвященными академическим сообществам — Российской академии наук (правопреемнице Императорской АН и АН СССР) и академиям наук республик бывшего СССР. Затем следуют разделы, включающие общие работы об ученых Российской Федерации и ее субъектов. Здесь, главным образом, использован географический принцип отбора материа-

ла. В эти разделы вошли издания коллективной биографии республиканских и областных полидисциплинарных вузов (университетов и педагогических институтов), а также издания с обозначенным в заглавии регионом.

Часть II «Труды о деятелях отдельных отраслей науки и техники» разбита на разделы, соответствующие названиям основных классов наук: науковедение и информатика, естественные, технические, сельскохозяйственные и лесотехнические, медицинские, социальные и гуманитарные. Внутреннее дробление на разделы и подразделы продиктовано наличием отраслевого, тематического и узко-тематического материала. Включенные в эту часть издания еще раз иллюстрируют тот очевидный перелом, который произошел в развитии документального потока в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. Наиболее выразительный прогресс «демонстрируют» социально-гуманитарные и технические науки. Например, бурное развитие произошло в специальностях «История. Исторические науки» и «Философия». В этом же классе наук могут быть отмечены дисциплины, которые ранее вообще не имели своей справочной биографики — социология и психология, археология, политические науки, статистика.

Указатель снабжен вспомогательным аппаратом, который позволяет максимально полно и с разных поисковых позиций раскрыть содержание зарегистрированных изданий коллективной биографии. В систему вспомогательных указателей входят традиционные для подобных работ индексы: именной (авторский), географический, заглавий, серий, а также специальные указатели и именной (персональный) указатель. Перечень специальных вспомогательных указателей включает:

- ♦ указатель отраслей науки, научных специальностей и прикладных областей деятельности;

- ♦ указатель учреждений, вузов, обществ, предприятий;

- ♦ социально-тематический указатель;
- ♦ указатель почетных званий, премий, наград;

- ♦ указатель ключевых имен.

Максимальная информационная ценность подобного библиографического пособия заключена в именном (персональном) указателе. Для его формирования была произведена поименная роспись всех изданий коллективной биографии, с которыми авторы-составители имели возможность работать *de visu*. Число изданий, полностью или частично расписанных для именного (персонального) указателя, равняется 1246 названий, а количество имен в нем превышает 155000.

В заключение следует отметить, что отрасли знания представлены в выявленном массиве информации неравномерно. Всего в изданиях коллективной биографии зафиксировано около 300 научных и

технических специальностей, среди которых одни неоднократно были отражены в документальном потоке, другие крайне редко становились объектом внимания. Результаты биографирования и биобиблиографирования научных кадров Российской Федерации (СССР, Российской империи), учтенные в анализируемых изданиях коллективной биографии, не вырастают в сколь-нибудь целостную картину. Можно говорить лишь о том, что на определенный момент и только для некоторых научных специальностей были созданы фундаментальные труды справочно-биографического профиля.

Выявленный и организованный материал позволяет получить представление о структуре, качестве, хронологической динамике репертуара изданий коллективной биографии об отечественных деятелях науки и техники, созданного во второй половине XX века.

И ВСЕ-ТАКИ ... ПЕЧАТНАЯ КНИГА

Н.В. Колтакова, Ю.В. Шестаков

Сегодня уже трудно представить, что можно обойтись без компьютерных технологий и глобального интернета. Это — обучение на расстоянии, мгновенное получение любой информации, решение множества мировых проблем, связанных с социальными вопросами, наукой, политикой, космосом и многое другое. Глобальная сеть постепенно заменяет людям в их жизни многие вещи. Виртуальное пространство позволяет влюбляться, зарабатывать деньги, путешествовать. Нет сферы человеческой деятельности, куда бы не вмешался интернет. Он в буквальном смысле изменил «лицо планеты». Каким же образом это всепоглощающее явление отразилось на бытовании традиционной книги — величайшем достижении человечества — и что ждет ее в будущем. Можно ли сохранить в бурно развиваю-

щимся технократическом мире творения ума и сердца, которые развивают у людей духовные начала, воспитывают чувство прекрасного, восхищение окружающим миром.

Более 500 лет назад благодаря великому Гуттенбергу миру явилось первое печатаное издание — книга. Предшествующее ее появлению время проделало огромную работу, чтобы родился столь современный интеллектуальный продукт.

Извилист и тернист был путь печатной книги. Все, что было до нее, так или иначе умирало, исчезало, становилось артефактом. Материалов для книги было испробовано множество, прежде чем была изобретена бумага, — камень, кость, дерево, глиняные таблицы, металлические пластины, папирус и пергамен из телячьей кожи. Однако только кни-

гопечатание открыло мир знаний и дало небывалый толчок к их развитию. И, тем не менее, в результате политических, социальных потрясений от рук мракобесов и радикально настроенных групп людей в каждый исторический отрезок времени книги на себе испытывали влияние таких трагических ситуаций. Многие вообще, в частности канадский социолог Маршалл Маклюэн, в связи с наступлением электронной эры предсказывали скорый их конец.

И сейчас часто встречается мнение, «дескать» исчезли же глиняные таблички, ушли в прошлое папирусы с текстами, исчезнут и бумажные книги. Но, оказывается, печатное слово заменить нечем, и это подтверждали многие просвещенные деятели на разных этапах развития книгопечатания. Один мудрец сказал, что книга принадлежит к тем изобретениям, которые, как колесо, никогда не исчезнут из жизни человека.

С момента своего появления книга постоянно эволюционировала в сторону своего улучшения. Огромный труд наших предшественников уходил на ее совершенствование. Создавались и отрабатывались шрифты с учетом правильного восприятия их зрением, менялся формат издания в зависимости от изложенного в нем материала и от того, кому оно предназначалось, над ним работали выдающиеся мастера-оформители.

Апогея в своем развитии печатная книга достигла в XVII–XVIII вв. Стали появляться роскошные иллюстрированные издания, описания путешествий, исторические хроники с великолепными гравюрами, различные энциклопедии. Это был период, когда великая русская литература стала достоянием всего мира.

Стремление иметь столь прекрасные библиотеки, возвышающие над повседневностью, прижилось и в российском обществе. Русские самодержцы личным примером воспитывали в своем окружении чувство вкуса и увлечение коллекционированием.

Каждый дворянин считал своим долгом иметь библиотеку. Книга представляла собой большую ценность и как каждая ценность считалась разменной монетой — за нее можно было отдать целое состояние. Она часто сочетала в себе все виды искусства. Неудивительно, что помещения личных апартаментов и библиотек, располагавшиеся в дворянских поместьях, во дворцах знати и царствующих особ, отличались небывалой роскошью. К счастью, многие их изображения оставил нам итальянец русского происхождения Луиджи Премацци в своем Альбоме акварелей (СПб., 1870). Поражает своим видом библиотека, принадлежавшая барону А.М. Штиглицу, — изумительные шкафы из редких пород дерева, сквозь стекла которых видны тисненные золотом корешки, мягкие кресла, обитые ценными тканями, ковры, на стенах картины. Полное соответствие и гармония. Чтобы понять, какие же книги интересовали владельцев подобных библиотек, позволим небольшой пример. В конце XVIII в. в Петербурге был издан перевод книги Джона Петера Войта (1747–1811) «Зрелище природы» (СПб.: Изд. Импер. академии наук, 1784–1790). Первая в России популярная энциклопедия, раскрывающая разные области знаний, предназначенная для обучения детей «состоятельных семей высшего круга». В ее создании принимали участие такие видные академики, как С.К. Котельников, С.Л. Румовский, Н.Л. Озерецковский и др., переводили тексты И. Волков, М. Ковалев, С. Петров и другие. Семь лет академические мастера перегравирировали из оригинала 480 постраничных иллюстраций, 10 фронтисписов, 17 внутритекстовых картинок. Часть гравюр повторяют немецкие оригиналы, часть является оригиналами русских художников. К чему это напоминание? Да просто, такое издание уже невозможно было повторить. В настоящее время оно находится только у библиофилов и, конечно же, оцифровано. Но, какая же будет катастрофа, если этот памятник останется только в оцифровке.

Именно книга вдохновила выдающихся архитекторов эпох Возрождения, Просвещения, XVIII–XIX вв. на создание уникальнейших сооружений для хранения произведений великих мастеров слова. Библиотеки устраивали так, начиная с дворцовой в несколько тысяч томов и заканчивая дворцовыми, государственными, чтобы все книги, хранящиеся в них, находились на виду. И это было психологически важно, так как человек погружался в особое состояние возвышенности над обыденным. Возникало единое неповторимое чувство сопричастности с окружающим миром. Как правило, самыми красивыми, поражающими воображение зданиями в крупных городах, были библиотеки. Парадность и роскошь их залов, большое количество скульптур и лепных украшений, огромные окна, росписи на потолках и стенах делали их объектами культурного наследия.

Так, Библиотека Аббатства св. Галла в Швейцарии — одна из самых ранних и красивейших в мире: впечатляющий интерьер и книги, размещенные полукружьем от пола до потолка. Можно только предположить, что испытывает человек, оказавшись лицом к лицу со всеми этими сокровищами — итогом всех знаний, мудрости, опыта многих поколений. Перед ним открывалась Вселенная, Космос, он чувствовал себя Небожителем. Это был главный принцип при строительстве библиотек этого времени — окружить посетителя книгами, чтобы благоговейные чувства захватили его, вызвать у него восхищение и преклонение перед человеческим гением. Так, это правило соблюдено, например, в Библиотеке конгресса США (1800 г.), Библиотеке Академии наук в здании Кунсткамеры, главным украшением Австрийской национальной Библиотеки, Дельфийской библиотеки в Нидерландах, Библиотеки Софийского университета являлись в буквальном смысле книги — ими заставлены большие пространства стен. Позже, уже в XX в. (в 1928 г.), была построена Стокгольмская общественная библиотека, в которой

также был соблюден принцип открытых полок, ее огромный фонд располагается в огромном помещении по кругу от потолка до пола. Можно назвать много подобных библиотек, где использовался, да и сейчас используется такой архитектурный прием. И это о чем-то говорит!

Сегодня с наступлением глобального Интернета, книга, конечно же, остается источником знаний, но ее бытование резко изменилось. Уже нельзя рассматривать ее отдельно от других средств информации, но и они вряд ли заменят книгу. Не случилось же это, например, с живописью, которую (надо же!) иногда подменяют фотографией. Последняя, безусловно, представляет собой искусство, но только картина художника может передать дух, атмосферу, ощущение, сопричастности, сострадания, умиления — чувства, которые вызывают настоящие оригинальные произведения. То же самое с кино — многие предпочитают DVD-диски кинотеатрам, где можно получить настоящие эмоции. А театр — он же по воздействию на человека сродни книге, в борьбе с телевидением, как предрекали многие, должен был «умереть», но невозможного не бывает...

Судьба книги, место которое она занимает в жизни современного сообщества, волнует писателей, ученых, авторов и читателей, издателей и книгораспространителей. Появляются исследования, посвященные этой проблеме, множество статей и выступлений. Организуются международные форумы.

Сегодня активно обсуждается, каким образом печатное издание должно сосуществовать с электронными и какое место будет отведено первому в обозримой перспективе. Неоспоримый факт, что особую актуальность новые технологии приобретают для широкого доступа к использованию учебной, справочной, научно-популярной литературы, изучению различных документов. Получить знания в виртуальном мире довольно просто. Все электронные средства информации имеют встроенную память и ее вполне

хватает для загрузки любого количества книг, различные шрифты — от русского до любого иностранного, возможность перевести в любой формат нужную книгу. Можно, не вникая особенно в текст, просто пробежать его, взять отдельный кусок, выделить какую-то цитату. Книги можно скачивать на телефон, планшет и читать в любом месте, в удобное время. Быстрая навигация, размещение гиперссылок, обратная связь, мгновенное распространение различных сведений, казалось бы, не оставляет шансов на будущее бумажной книги. И так считают многие приверженцы цифровых источников информации. Действительно, в отличие от бумаги, компьютерные файлы не стареют и не разрушаются, интернет становится доступным для каждого желающего. Да, это удобно, но начинает формироваться особый тип человека «с холодной душой». Общественное мнение в своем большинстве сходится в том, что количество библиотек снизится, останутся только узкоспециальные и редкие.

Однако известное выражение Д. Дидро гласит: «Люди перестают мыслить, когда перестают читать».

Еще живо поколение, которое получало знание из книг, его отличает образованность, наличие непременно собственной библиотеки. Для новых же поколений книга становится все более забытой и, если первых считают людьми начитанными, то вторых называют «насмотренными». Это потому, что почти все свое время они не «отрывают» глаз от монитора. Для них нет разницы между бумагой и экраном, а разница, между прочим, есть и очень большая. Наш глаз видит не книгу, а экран, мозг воспринимает его, в отличие от печатного текста, совершенно по-другому — утрачивается момент вдумчивости, анализа, сопереживания, сотворчества. Книга же меняет человека. Он превращается в приятного общительного собеседника, мир становится для него более интересным и привлекательным.

Чтение книги образует ту самую связь между обладателем и тем, кто

ее написал, вложил в нее свои мысли и чувства. Читатель имеет возможность размышлять, вернуться к прочитанному много раз для того, чтобы осмыслить слово, предложение, вникнуть поглубже в содержание, у него складываются отношения с героями, появляются свои идеалы. Наверное, у каждого человека есть своя единственная любимая книга на всю жизнь, и стоит она непременно у него на книжной полке.

Кроме информационной функции, с которой вполне справляется электронное издание, остается самая главная, эстетическая, то, чем обладает исключительно бумажная книга. Это внутренний и внешний облик издания, элементы его оформления, т. е. материальная сторона, которая создается, образно говоря, руками.

Превосходная изданная книга превращается в предмет — вершину художественного образца. Оглянемся назад, в прошлое, когда книга сочетала в себе все виды искусства, ее сравнивали с архитектурным сооружением, которое остается на века. Она считалась предметом роскоши и была доступна исключительно избранным. Сохраняя все то, что традиционная книга накопила за более 500-летнюю историю своего развития, она продолжает развиваться и совершенствоваться. Сегодня благодаря современным технологиям создаются уникальные материалы для производства книжных шедевров. Это разнообразная бумага, имитирующая различные природные, натуральные образцы, созданные с применением синтетических продуктов. Они намного долговечнее естественных и открывают более широкие горизонты для создания настоящих художественных произведений, которые можно будет хранить неограниченное количество лет. Соответственно появился особый класс коллекционеров, которые, кроме старой, антикварной книги, приобретают новые уникальные издания. Это, как правило, состоятельные люди и их собрания соизмеримы с теми, которые присутствовали,

в свое время, в дворянских библиотеках и являлись гордостью их владельцев. Есть надежда на возрождение утраченных патриархальных библиотек с их патристическими традициями.

В оформлении новых книжных шедевров принимают участие известные книжные иллюстраторы. Особенно дорогие экземпляры расписываются миниатюрами, что делает их особенно драгоценными. Сделанные вручную и пронумерованные они хранятся за «семью печатями». В мастерстве хотелось бы приблизиться к книжным шедеврам прошлого, и это во многих случаях удастся. Образцы классической литературы, музыки, архитектуры недостижимы, они как эталон будут всегда служить отправной точкой вкуса, меры. Никогда электронная книга не станет статусным объектом, а бумажными же книгами будут дорожить так называемые «гурманы чтения». Следует сказать и о детской книге, которая в обязательном порядке присутствовала в усадебных библиотеках и играла огромную роль в прививании семейных традиций и, соответственно, любви к Родине. В настоящее время она является благодатным полем деятельности для творчества как известных художников, так и начинающих, появляются новые возможности в иллюстрированном оформлении этой очень востребованной литературы. Утверждение о том, что книга должна быть спутником человека с самого раннего возраста не подлежит сомнению. Мыслить можно научиться, только освоив сначала бумажную книгу. Надо научить ребенка не расставаться с ней. Детская писательница Астрид Линдгред на вопрос есть ли будущее у книги ответила: «С таким же успехом можно спросить, есть ли будущее у хлеба, у розы, у детской песенки, у майского дождя? Лучше спросить есть ли будущее у человека! Если оно есть у человека, оно есть и у книги. Потому что, если однажды мы научились черпать радость и утешение в книгах, нам без этого не обойтись...» (О счастливом детстве, множестве букв и начале всего // Костер.

2007, ноябрь-декабрь). Другой известный норвежский детский писатель Юстейн Гордер в своей статье «Слово для мира, где нет читателей» касается права ребенка на чтение бумажных книг: «В мире постмодернизма все большее число детей ощущает потребность в источнике тепла, которое родители в спешке не смогли им обеспечить. Книги — именно такой источник. Книга лучший заменитель родительского внимания, чем компьютер или телевизор. И следует отметить — более здоровый и безопасный. Для многих опыт и события, почерпнутые в книгах, могут стать профилактическим средством против таких опасных заболеваний, как скука, беспомощность, неуверенность в себе, нигилизм» (<http://lib.1september.ru/2003/20/26.htm>).

Тем не менее большая ошибка противопоставлять традиционную и электронную книги. Ведь о новых вышедших в свет книгах читатели как раз и узнают из интернета. Они же делятся между собой о прочитанном, в каком бы уголке мира не находились, — выражают свое восхищение или неприятие прочитанного.

Но самое главное, что не учитывают спорящие стороны: издание книг сегодня полностью зависит от компьютерных технологий. Полиграфия является одной из самых быстроразвивающихся современных информационных отраслей. Ее возможности поражают воображение. Здесь используются последние достижения электроники, вычислительной техники, физики, химии. Все работы выполняет одна цифровая типография, за один день она может выпустить довольно большой тираж книги. Печать цветных изображений не только максимально приближает цвета к оригиналу, но и рождает новые художественные возможности. Небольшой пример: недавно в издательстве «Альфарет», имеющем многолетний опыт изданий раритетных книг, вышел трехтомник, в который вошли все пушкинские рукописи. Перед нами предстала творческая

лаборатория поэта. И вот здесь происходят интересные вещи. Судя по тому, как работал Пушкин над произведением — тщательно, кропотливо, с массой вариантов — понимаешь, что современный автор, работающий с компьютером, никогда, даже в мысленно далеком приближении, не подойдет к творениям гения. Это невозможно сделать, используя компьютер и, наоборот, слава Богу, что благодаря именно компьютерной цифровой печати, огромное количество лю-

дей увидит, как рождались гениальные произведения.

Может быть, развитие интернета будет способствовать как раз росту читателей традиционной книги. Этот процесс (кому-то покажется эта идея нереальной) еще более укрепит мысль, что время бесценно перед книгой. Сохраняя все то, что «накопила» книга за долгое-долгое время своей истории, она продолжает развиваться и не без использования того самого компьютера.

АВГУСТ ВЕЙХАРДТ И РЕОРГАНИЗАЦИЯ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ АКАДЕМИИ НАУК

Т.В. Кульматова

Бронированный фонд Президиума РАН входит в состав БАН с 1944 г. — вот уже 70 лет. Однако история его начинается значительно раньше и восходит к 1728 г. — ко времени становления издательской и книготорговой деятельности Академии. Исторически Бронированному фонду предшествовала Книжная палата (позднее: Книжная лавка, Книжный магазин, Книжный склад, Книгохранилище изданий Академии наук), через которую осуществлялось книгораспространение изданий Академии наук. История деятельности Книжной палаты (лавки) в XVIII в. получила достаточное освещение в трудах С.П. Луппова, Д.В. Тюличева, А.А. Зайцевой, Г.А. Фафурина¹. Однако XIX в. продолжает оставаться изученной недостаточно. Обнаруженные нами в Петербургском филиале Архива РАН документы позволяют пролить свет на небольшой, но очень значимый период в истории этого академического подразделения — период реорганизации и объединения иностранного и русского книжных магазинов².

К середине XIX в. организация книготорговли Академии наук оказалась в критической ситуации и требовала коренных

преобразований. Назрел целый ряд проблем: отсутствие должной документации, беспорядочное хранение книг в книгохранилищах, низкое качество книготорговых каталогов, общая запущенность дел. В 1845 г. Комитет Правления Академии наук поднял вопрос о необходимости реорганизации её книжных магазинов (русского и иностранного). В марте 1849 г. вице-президент Академии наук князь М.А. Дондуков-Корсаков по соглашению с Конференцией, решил «подвергнуть прежние книжные магазины совершенному преобразованию»³.

Соединение магазинов было предложено не столько для того, чтобы уменьшить расходы, сколько для того, чтобы «их привести в надлежащий порядок, упростить заведывание ими, ввести Коммерческую Бухгалтерию для сбережения Академического имущества и вследствие всех этих мер умножить сбыт книг и Календарей»⁴. Реорганизацией было предложено заняться тогдашнему хранителю магазина иностранных книг Льву Андреевичу (Фридриху Людвигу (Луи)) Шардиусу, который, по мнению Комиссии, созданной в связи с преобразованием книжных магазинов Академии наук,

«из всех нынешних хранителей, наиболее способен бы был к заведыванию соединенным Магазином»⁵. Однако Шардиус, несмотря на предложенное ему удвоенное жалованье, решительно отказался, заметив, что «на составление книгам подробного инвентаря нужно употребить не один год — но 7 лет постоянных занятий»⁶ и, «что он слишком занят другими должностями и при том не знаком с ведением коммерческих книг»⁷. Однако он «вступил в сношение с посторонним лицом, вполне знакомым с книжною торговлею. Это лицо объявило свою готовность составить немедленно инвентарь всему книжному имуществу, приготовить к печати общий Каталог всем книгам, находящимся в Магазилах и поступать впредь по приложенной здесь Инструкции»⁸. Условия его суть: жалованье в 370 р. сер. с квартирою»⁹. Этим лицом оказался Август Вейхардт, который и был принят на службу в Академию. К сожалению, нам практически ничего не известно о биографии Вейхардта. Вышеприведённые слова Шардиуса о нём позволяют сделать заключение лишь о том, что он имел какое-то отношение к книжной торговле. В ряде документов он именуется как «иностранец Вейхардт». Однако отчеты, отложившиеся в СПФА РАН, дают достаточно ясную картину его деятельности в должности хранителя книжно магазина.

Весной 1849 г. Комитетом Правления новому хранителю магазинов был дан проект инструкции, которая определяла круг его действий. Помимо работ, связанных с упорядочиванием обоих книгохранилищ, составлением инвентарей и подготовкой к печати новых книготорговых каталогов, он должен был исполнять и обычные текущие работы, а именно: немедленно удовлетворять требования, поступающие от Непременного секретаря АН, Комитета Правления и комиссионеров Академии¹⁰.

Результатом трудов Вейхардта стали упорядоченные книгохранилища, вся наличность которых была тщательно заинвентаризирована и отражена в подго-

товленных к печати книготорговых каталогов, составленных на высоком профессиональном уровне. Каталоги Вейхардта разительно отличаются от всех предшествующих книготорговых каталогов Академии наук продуманностью структуры, единообразием и полнотой библиографических описаний, полнотой отраженного в них издательского репертуара Академии наук. Именно благодаря А. Вейхардту книготорговые каталоги Академии наук приобрели тот облик, который оставался присущ им вплоть до 20-х гг. XX в.

Деятельность Вейхардта способствовала преобразованию организации и ведения книжной торговли АН, её переводу на качественно иной уровень. Подробности о работе Вейхардта видны из его отчёта, который публикуется ниже. Отчёт был составлен им по требованию академика А.А. Куника, которому было поручено «смотреть» (руководство) за деятельностью Вейхардта. Документ хранится в СПФ АРАН (Ф. 95. Оп. 3. № 138. Л. 39–44).

Отчёт о ходе занятий по Книжному магазину с 1849 года. Занятия в 1849 году

В конце Апреля 1849 года я принял в свое ведение комнаты и кладовые Академии Наук, в коих хранились разные книги. С Мая я старался ближе ознакомиться с различными отделениями Книжного Магазина, чтобы, согласно данному мне предписанию, иметь возможность немедленно удовлетворять требования поступающие ко мне от Г. Непременного Секретаря¹¹, Комитета Правления и комиссионеров Академии, как на книги нового и старого издания, так и на целые томы и отдельные тетради; поэтому я должен был перебрать сотни книг прежде нежели мог отвечать на какой либо сделанный мне запрос. Предварительный разбор огромного количества книг и отыскание места, где лежали разрозненные их части, образовали для меня ряд занятий, продолжавшихся несколько недель и потому я должен был позже предположенного

времени, приступить к настоящей моей работе.

Таким образом, не прежде как с Июля, можно было начать составление счета, описывание и увязывание иностранных книг, хранившихся в большой кладовой — что на парадной лестнице в главном здании.

На это нужно было употребить много труда и времени, потому что брошюрована была только незначительная часть книг; большая же часть оставалась непереплетенною. Но к Сентябрю всем брошюрованным изданиям я успел уже составить инвентарий, т. е. все бесчисленные маленькие пачки, лежавшие в различных местах кладовой, приведены были в большие связки и обозначены надписями соответственными предметам. Тоже самое сделано здесь до Ноября и с непереплетенными изданиями. Исключение из этого составляли Академические сборники, как то: мемуары, бюллетени¹² и пр., коих число было весьма значительно. — В Ноябре же я не мог продолжать моих занятий в неотапливаемых кладовых, потому что наступил уже холод.

Летом я занялся также устройством в здании Кунсткамеры подручной кладовой, из которой мне предписано было отпускать комиссионерам и др. только брошюрованные экземпляры, а поэтому некоторое количество еще неброшюрованных изданий, на иностранных языках я отдал в переплет, чтобы в последствии, при новом мне предписании или требовании, не было необходимости вскрывать большие связки.

В течение же лета в здании Кунсткамеры мною были собраны все печатные рисунки из Магазина иностранных книг и другие предметы. Уже с первого взгляда я должен был предположить, что на разбор и описание сего запаса потребуются много времени; но я надеялся что этот разбор в Кунсткамере можно будет исполнить в продолжении зимы. К сожалению, по ближайшему рассмотрению это могло быть исполнено только в самом ограниченном объеме, как по обширности

работ, так и потому что состояние печей в кладовой представляло к успеху работ немаловажные препятствия.

Кроме того, зимою 1849/50 я занимался у себя на дому предварительным составлением каталога иностранными сочинениям и окончанием большей части копий с заглавий книг, вошедших уже в состав инвентаря. В то же время приготавливал и опись всем рисункам, относящимся к 6^й серии мемуаров, чтобы летом 1850 года, с помощью ее удобнее можно было описать эту часть Магазина и проверить количество всех наличных экземпляров.

Занятия в 1850ом году

Когда в Мае м. занятия мои в Магазине иностранных книг могли быть возобновлены, то с помощью предварительных работ, начатых зимою 1849 года я прежде всего приступил к подробному рассмотрению и описи академических сборников, как-то мемуаров, бюллетеней и проч. Для успешного хода работ настоящее помещение (на парадной лестнице) оказалось тесным, по сему некоторые большие шкапы и ящики нужно было вынести. При этом случае я открыл множество древнейших академических изданий и программ на немецком, латинском и французском языках, которые уже давно исчезли из академических каталогов и все оныя внес теперь в каталог и инвентарь. В одном из ящиков я также нашел большое количество разного рода карт и печатных рисунков, изданных Академиею в прошедшем столетии, а потому и положил их на сохранение в Магазин русских книг.

Прим.: При разборке шкапов найдена большая часть подлинных рисунков к этим картам и сверх того открыты еще рукописные карты, из которых одне сделаны древнейшими путешественниками Академии, и другие состоят из планов крепостей и планов битв; из них некоторые относятся ко времени Петра Великого и основания Академии. Все означенные карты перешли из Архива бывшего

Географического Департамента Академии, но к сожалению весьма повреждены, однако я сколько мог почистил их и перенес в Магазин русских книг. Между тем во время моих занятий, поступали различные требования на книги русского Магазина. В следствие чего мне дано было поручение составить им опись; при чем обнаружилось, что из отдела Академических изданий только некоторая их часть находилась еще в значительном количестве экземпляров да и то в разрозненном состоянии. Но в течение 4^х месяцев большей части сего все еще значительного запаса изданий состоявших из разных маленьких пачек, сделан был инвентарь. Особенное внимание я обратил при этом на те сочинения, от которых осталось лишь несколько еще экземпляров и на которые нужно было употребить не мало труда, для приведения их в надлежащую полноту. Таких сочинений я успел составить числом около 200, которых уже давно не было показываемо и в каталоге книг, назначавшихся в продажу. — Занятия мои не прерывались даже зимою в ясные дни потому что, по объяснению архитектора, первую комнату в русском магазине можно было отапливать. Кроме того, я продолжал заниматься дома составлением каталога.

Занятия в 1851^м году

В Апреле м. я приступил к приготовлению инвентаря всем медным доскам рисунков, принадлежащих к сочинениям, вышедшим на русском и иностранных языках, к географическим картам и пр. Но именно эта работа могла медленно подвигаться вперед, по той причине что при составлении описи, в большей части случаев надобно было разыскивать: к какому именно сочинению та или другая доска рисунков принадлежала, все ли они были на лицо, которых из них не доставало и проч. Разумеется эти вопросы не всегда можно было решить при тех средствах, какие в то время Магазин представлял, потому что для сего необходимо было также сличать между собою

книги, находившиеся в библиотеках Академии. Но не смотря на предстоявшие мне трудности, все количество медных досок — за исключением только немногих — определено с точностию и приведено в порядок по алфавитному указателю тех сочинений, к коим они относились; сверх того приготовлен еще подробный реестр, так что теперь всякую доску легко отыскать, исключая разве тех, которых принадлежности объяснить не было возможности.

Кроме вышесказанного я собрал и описал: все оттиски с медных досок, какие только имелись в наличности. Эта работа потребовала от меня труда и времени; потому что оттиски находились в беспорядке; между тем как подробный разбор их уже по тому самому был необходим, что многие из них были отпечатаны с тех досок, которых уже на лице нет. Всем этим оттискам я сделал подробную опись, чтобы во всякое время можно было сличать их с инвентарем книг и включить в те книги, к которым они не были приложены.

Перед тем я внес в общий Инвентарь досок так называемые географические доски, а изданным от бывшего Географического Департамента Академии географическим картам, проспектам и пр. дан надлежащий порядок и сделана опись.

Наступившая зима и короткие дни воспрепятствовали скорому ходу занятий. Между тем в течение осени и зимы я приводил в порядок лежавшие на полу в первой теплой комнате брошюрованные издания русского книжного магазина. Уже во время составления инвентаря русским книгам некоторые экземпляры их, еще не брошюрованные, были отосланы к переплетчику, чтобы таким образом дополнить число русских книг в подручной кладовой.

Занятия в 1852^м году

В Мае м. я возобновил свои занятия в Магазине иностранных книг, прерванные летом 1850 года. Прежде всего я включил в инвентарь вновь найденные

старые издания. Кроме того лежавшие вместе рисунки VI серии мемуаров большей частью литографированные были приведены в порядок согласно составленной зимою 1849/50 года описи. С Мая до Июля все оставшиеся при разборке отдельные части разных изданий были присоединены к книгам и пр. так что я мог приступить к размещению всего собранного в кладовых материала в особые книги in Folio. Таким образом у меня образовались:

1. Инвентарь русским книгам с прибавлением инвентаря географическим картам, портретам и другим гравированным Академиею в прошлом столетии рисункам, экземпляры которых нашлись при разборе.

2. Инвентарь иностранным книгам в двух отделениях, из которых в первом все академические сборники, как напр. Комментарии, акты, мемуары, бюллетени и пр., а во втором — все другие издания Академии в алфавитном порядке.

3. Инвентарь медным доскам, с рисунками для русских и иностранных книг и проч., вошедших в первые два инвентаря. К сему последнему инвентарю присоединена опись всем гравированным и литографированным рисункам, относящимся к VI серии Мемуаров и др., вместе с показанием количества оттисков, находящихся на лице.

Для всех 3 инвентарей придумана мною форма, позволяющая удобно обозначить в них убыль экземпляров каждого издания. Для этого инвентари разделены линиями на графы, так что и по прошествии нескольких лет можно будет по инвентарю тотчас узнать, сколько действительно состоит на лице экземпляров такой-то книги.

Выше было объяснено, что экземпляры многих сочинений оказались разрозненными и находились в разных залах. Конечно было бы весьма полезно соединить эти экземпляры и поставить их в порядке каталога, в одном месте, но этого до сих пор нельзя еще было достигнуть, частью потому, что в течение первых двух

лет занятий не имелось для того удобного места, а частью по причине больших затруднений, встречавшихся при постановке пакетов с сочинениями в одном месте. Но чтобы между несколькими тысячами пакетов можно было тотчас отыскать по крайней мере самый нужный, то для сей цели в инвентаре обозначено место, где каждый из них лежит. Этою работою я занимался до исхода Ноября месяца и результат моих занятий был тот:

а. что теперь каждый пакет можно скоро отыскать.

б. что пакет можно будет легко разместить по порядку каталога, при более определенном устройстве Книжного Магазина, в позднейшем времени, и,

в. можно поверять все количество книг, показанных в инвентаре.

Занятия в 1853^м году

Зимою 1852/53 и летом 1853 я занимался окончательным приготовлением каталогов и внесением в инвентари и каталоги вновь поступивших в книжный магазин изданий.

При составлении каталогов я старался выражаться точно и кратко, как только возможно. Их составлено три:

1. Каталог русским книгам находящимся в Книжном Магазине¹³.

2. Каталог книгам на иностранных языках в двух отделениях из которых в первом — академические сборники, в хронологическом порядке, а во втором — другие издания Академии¹⁴.

3. Каталог всем географическим картам, планам и пр., изданным отдельно и сохранившимся или в печатных экземплярах или в медных досках.

Порядок принятый мною для каталогов, есть следующий:

1. Сочинения помещены в алфавитном порядке под именами авторов, а разные сочинения одного лица помещены в хронологическом порядке.

2. Где имя сочинителя не обозначено в заглавии, там я прибегал к другим источникам для узнания его и все таки следовал той же системе.

3. Те немногочисленные сочинения, которых авторы неизвестны, я размещал по начальной букве первого существительного в заглавии.

4. Для тех случаев, когда имя сочинителя не выставлено на заглавном листе, должно исходить книгу по главному слову ее заглавия, под которым и означено мною в каталоге имя автора.

5. Все необозначенные в заглавии прибавления обозначены скобками [].

Для точнейшего обозрения во всех каталогах сделаны особые столбцы, в коих против полного заглавия каждого сочинения выставлено количество экземпляров находящихся на лицо, причем за норму принято число экземпляров, состоявшее в наличности к 1 Сентября 1853 года.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ *Луппов С.П.* Книга в России в послепетровское время, 1725–1740 / С.П. Луппов; АН СССР. Л.: Наука, 1976. 378 с.; *Тюличев Д.В.* Книгоиздательская деятельность Петербургской академии наук и М.В. Ломоносов / Д.В. Тюличев; АН СССР. Л.: Наука, 1988. 279 с.; *Зайцева А.А.* Книжная торговля в Санкт-Петербурге во второй половине XVIII века / А.А. Зайцева; Биб-ка РАН. СПб.: БАН, 2005. 365 с.; *Фафурин Г.А.* К истории академической книжной торговли в России в эпоху Екатерины II: деятельность Иоганна Вейтбрехта в Санкт-Петербурге / Г.А. Фафурин. СПб.: Петербург. лингвист. о-во, 2010. 376 с.

² В XVIII в. слово «магазин» имело несколько значений. В значении «торговое предприятие, лавка (первоначально-принадлежащая иностранцам и торгующая предметами роскоши и моды)» оно стало употребляться с последней трети XVIII в. Употреблялось оно и в другом значении: «запас оружия, провианта и др. вещей...; помещение, место хранения таковых припасов», т. е. склад (Словарь русского языка XVIII в. СПб.: Наука, 2001. Вып. 12. С. 28–29).

³ СПФА РАН. Ф. 95. Оп. 3. № 138. Л. 48.

⁴ Там же. Л. 59 об.

⁵ Там же. Л. 59.

⁶ Там же. Л. 48.

⁷ Там же. Л. 59. С 1837 г. Шардиус состоял хранителем Нумизматического и Египетского музеев Академии наук, а также хранителем медалей и антиков Императорского Эрмитажа (Формулярный список // РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. № 2478. Л. 5–11 а; Ф. 472. Оп. 32. № 20. Л. 76–81; АГЭ. Ф. 56. Оп. 1. № 1–5. 1824–1851).

⁸ Project unter Instruction für den Conservator des vereinigten Bücherlagens der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften // СПФА РАН. Ф. 10. Оп. 1. № 38. Л. 72–73. На нем.

⁹ СПФА РАН. Ф. 95. Оп. 3. № 138. Л. 59.

¹⁰ Таковыми в 1855 г. официально числились: И. Глазунов, Эггерс и комп., П. Должиков в Киеве, Л. Фосс в Лейпциге. (См.: Ученые записки Императорской Академии наук по первому и третьему отделениям. СПб., 1855. Т. 3. С. 593).

¹¹ В это время (точнее с 1826 по 1855 гг.) им состоял ординарный академик, математик Павел Николаевич Фус (1798–1855).

¹² Основные периодические издания Академии наук: «Mémoires de l'Académie Imperiale des sciences de St.-Petersbourg», «Bulletin de l'Académie Imperiale des sciences de St.-Petersbourg» выходили первые с 1803 г., вторые с 1837 г. во множестве серий.

¹³ Каталог русских книг изданных Императорскою Академиею Наук и находящихся в продаже у ея комиссионеров = Catalogue des livres publiés en langue russe par l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. Издание 1857 года. [СПб.: в Тип. Имп. Акад. наук], 1857. IV, 72 с.

¹⁴ Catalogue des livres publiés en langues étrangères par l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg et en vente chez ses commissionaires = Каталог книгам, изданным Императорскою Академиею наук на иностранных языках.

СПб., 1854. 66 р. Позднее вышло прибавление. Supplément au catalogue des livres de l'Académie Impériale des Sciences de

St.-Petersbourg publié en 1854 = Прибавление к каталогу изданному в 1854 году. СПб., 1856. 10, [2] р.

К ИСТОРИИ ОТДЕЛА НАУЧНОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ БАН

Н.В. Бекжанова

Отделом научной систематизации литературы Библиотеки Российской академии наук подготовлен к печати сборник, посвященный истории отдела с 1950-х гг. до наших дней. Его авторы — сотрудники отдела — стремились показать место отдела в жизни библиотеки.

К середине XX в., несмотря на все усилия по созданию систематического каталога, предпринимаемые в довоенные и первые послевоенные годы, традиция систематического отражения и представления читателям фондов БАН, характерная XVIII–XIX вв., была прервана в силу разных обстоятельств, и на 1 января 1954 г. каталог был закрыт для читателей.

Новый этап в истории систематического каталога и отдела систематизации литературы БАН начался в 1954–1955 гг., когда отдел был выделен в самостоятельную структурную единицу библиотеки, его состав пополнился многими специалистами.

В статье заведующего сектором естественных и технических наук кандидата биологических наук В.Б. Лазуркиной и научного сотрудника сектора кандидата медицинских наук И.Н. Комаровой рассматривается роль отдела в подготовке и совершенствовании Библиотечно-библиографической классификации, создание которой было начато еще в 1930-е гг. крупнейшими библиотеками страны. К 1968 г. были опубликованы все разделы подготовленной общими усилиями классификации. Особо авторы отмечают роль заведующего отделом А.А. Панова,

который в 1981 г. в числе других участников работы над ББК был удостоен Государственной премии СССР. Говорится в статье и о методе пересистематизации каталога по новой схеме, который был разработан в отделе, что позволило в сжатые сроки создать Центральный систематический каталог, отражавший большую часть фонда БАН.

В работе Н.В. Прасоловой, научного сотрудника сектора социально-экономических и гуманитарных наук кандидата филологических наук, показана роль научно-методического совета ОНСЛ в научных и производственных достижениях отдела. Базой для подготовки данной статьи стали протоколы заседаний НМС, проанализированные автором с середины 1950-х гг. до настоящего времени. Созданный в июне 1955 г. совет способствовал решению наиболее сложных задач, которые стояли перед отделом. Именно активная позиция НМС, по мнению автора, определила во многом успехи в научной, научно-методической и производственной деятельности, достигнутые ОНСЛ в обозначенный период.

Истории сектора организации систематического каталога посвящена статья заведующего этим сектором И.А. Моревой, подготовленная в соавторстве с заведующим сектором социально-экономических и гуманитарных наук кандидатом искусствоведения В.Н. Синельченко. Выделенный практически сразу после оформления отдела в самостоятельное структурное подразделение библиотеки

сектор был предназначен для выполнения большинства технических процессов, сопровождавших работу по систематизации литературы: от получения литературы и распределения ее между систематизаторами до вливания карточек в различные разделы ЦСК. Одной из главных заслуг сектора авторы статьи называют создание Алфавитно-предметного указателя к ЦСК, который позволяет легко ориентироваться в разделах систематического каталога.

В следующей своей статье И.А. Морева и В.Н. Синельченко проанализировали запросы читателей, обратившихся в ЦСК, начиная с 2002 г. Зафиксированные в журналах учета, которые ведутся в отделе, они позволяют увидеть, к каким же разделам каталога чаще всего обращаются наши читатели, какие проблемы их интересуют. Проведенный выборочный подсчет за 2002, 2009, 2011 и 2012 гг. свидетельствует, что тенденция повышенного интереса к литературе социально-экономического и гуманитарного характера, которая начала проявляться в конце 1990-х гг., не просто сохраняется, но и усиливается. При этом происходит трансформация внутри самого блока этих дисциплин, отмечается снижение интереса к экономической и правовой литературе на фоне сохранения стабильного внимания к материалам по языкознанию и росте, в свою очередь, запросов исторического характера.

В состав сборника также вошел Библиографический словарь сотрудников, работавших в отделе с середины 1950-х гг. по настоящее время, который подгото-

вила заведующий отделом кандидат педагогических наук Н.В. Бекжанова. Персональная справка содержит сведения об образовании, деловой карьере в библиотеке. Несколько подробнее представлены производственные, научные и научно-методические достижения сотрудников в период их работы в отделе. Многие справки сопровождаются портретами.

Дополнением к этой работе служит Указатель трудов сотрудников отдела, опубликованных в 1950-е – 2013 гг., подготовленный Н.В. Бекжановой и В.Б. Лазуркиной. В него вошло более 500 публикаций. Весь материал разбит на три тематических раздела. В первом учтены материалы, связанные с созданием и совершенствованием Библиотечно-библиографической классификации. Во второй раздел вошли библиографические указатели, подготовленные при участии сотрудников отдела. Третий раздел составили публикации на различные «небиблиотечные» темы. Появление его связано с тем, что на протяжении всей его истории в отделе работали специалисты-отраслевники, зачастую уже имеющие научные степени и звания и «свою» тему. Представленный материал позволяет продемонстрировать широту научных интересов сотрудников ОНСЛ.

Сборник предназначен для библиотечарей и библиографов научных универсальных и отраслевых библиотек, студентов и преподавателей библиотечно-информационных факультетов университетов культуры, а также всех интересующихся историей библиотечного дела и культуры в целом.

ЗАПИСКИ СТАРОГО БАНЩИКА

В.М. Хвоцевский

Начало

Если бы я писал сказку, то начал бы так: ровно 30 лет и три года я проработал художником-оформителем в Библиотеке Академии наук СССР, но это не сказка — я действительно проработал там 33 года.

А вот взгляд со стороны на нашу библиотеку: читатель Шабунин А.В. принес в стенгазету свое стихотворение, там были такие слова:

«Дом высокий, книг навалом,
Люди умные сидят,
А с портретов в общем зале
Академики глядят.
Зря-то хаять я не буду —
Не плохой у БАНи вид.
За столами люди всюду,
Кто-то пишет, кто-то спит.
За барьером девки ходят,
Девки книги подают...»

«Милые девки», я о вас буду помнить всегда. На одной даже для разнообразия женился, и вот уже прожил с ней более 30 лет.

В первый день меня познакомили с Библиотекой. Провели по всем этажам. Хранилища заполнены стеллажами с книгами. Эти хранилища здесь называют магазинами.

Рабочий кабинет, вернее, комнату, мне отвели на пятом этаже. Сказали, что рисовальной бумаги много. Эту бумагу они называли ватманом, она как газетная, но толще. Краски и кисти я должен покупать сам, но обязательно брать копию чека. Чек должен быть до определенной суммы, а если больше, то просить в магазине выписать чеки разными днями. Если нужны будут планшеты из картона, то при Библиотеке есть технические мастерские. Если же будут нужны щиты из фанеры для заголовков книжных выставок, то их можно заказать в столярной мастерской тоже при Библиотеке.

У столяра на стене весела карта Вьетнама, и он, прежде чем начать работу, с ут-

ра отмечал на ней районы, которые бомбили американцы. Столяр высказывал свои соображения, где надо расставить зенитные ракеты, он являлся, можно сказать, «грозой» для американских агрес- соров, но для заведующей хозяйством он был не страшен, потому что, когда она его искала, то спрашивала:

— Где он? Я его растерзаю как лягуш- ку!

Прибежала ко мне, на пятый этаж, запыхавшаяся женщина с бумажкой в руках и сказала:

— Напишите, пожалуйста, это объяв- ление, я скороход, — сообщила она.

— Я вижу, — понимающе согласился я.

Оказалось, что ее фамилия Скороход Ия Анатольевна.

Иногда, если приходилось писать лозунги для размещения их на здании, то рамы с натянутой красной материей я клал на пол в коридоре. Тогда читатели спотыкались о край рамы и, под впечатление своих умных мыслей, чтобы не упасть, пробегали по лозунгу. Тогда я изобрел шумовую дорожку. Перед началом и концом подрамника расстилал 3–4 метра крепкой оберточной бумаги — она имела способность греметь как железная. И когда задумчивый читатель забегал на эту шумовую дорожку, то сразу понимал, что надо сворачивать в сторону.

Колхоз-молхоз

Так всегда говорила о колхозе сотруд- ница БАН из Северной Осетии. Раньше, когда я еще работал в Морском музее, то часто мы вместе выходили из троллей- буса на площади Пушкина. Я поинтере- совался, где она работает. «В бане», — коротко ответила она. Я подумал, что раз такая элегантная женщина работает в ба- не, то, наверное, директором. Но потом узнал, что баней называют Библиотеку Академии наук — БАН.

Как-то сижу в столовой. За мой столик подсаживается молодая женщина (фамилию забыл), но ее все звали «Запятой».

— Я слышал, что вы тоже поедете в колхоз, — сказал я.

— Нет, — отвечает она, — собиралась, да муж умер, поеду позже.

Когда потом приехала, то стала работать на кухне. Идем как-то с работы, и она стоит на столе и возит ногой по столу веник, готовится к нашему приходу, стол моет. Потом, когда мы ушли на работу, она решила сходить в лес за грибами и потерялась. Стали ее искать, колхоз выделил людей, ходили по лесу и кричали. А она, как потом выяснилось, заблудилась и заночевала у лесника.

Красная шапочка

Американскую выставку в гавани посетили несколько наших сотрудников. Первым делился впечатлениями Ленья Дубровин. Он сказал:

— Я этих гидов-девушек — погонял по марксизму-ленинизму — ничего не знают.

Другой написал в книгу отзыв: «Выставка интересная, но я протестую: «Выставка интересная, но я протестую, что американцы воюют во Вьетнаме». Он подписал свою фамилию, должность и место работы. Как потом мне рассказывал его подчиненный — этого протестующего вызвали в райком партии, поставили на вид и сказали:

— Не было команды протестовать — не протестуй!

А я увидел там такую картину. На возвышении стоит девушка-гид. Подошла старушка и говорит:

— Девушка, девушка.

Девушка нагнулась к ней.

— Девушка, девушка, — опять говорит старушка, — почему у вас такие белые зубы?

Девушка, конечно, была готова отвечать на всевозможные каверзные вопросы советских посетителей выставки, но такого она не ожидала. Девушка несколько секунд подумала и ответила:

— Белые зубы, потому что мы едим много фруктов.

Готов к труду и обороне

Однажды после работы мы с Милой и Надей пошли в магазин для организации «отважной». А надо было идти через лес. Но деревня не появлялась. Видно, мы сбились с пути. Вдруг видим на возвышенности деревянная будка, а внизу барак. Поднялись по лестнице — внутри никого. Девочки стали курить и просматривать различные бумаги на столе и какие-то исписанные журналы. Где-то внизу залаяла собака и сразу зажглись огни в бараке, и из дверей стали выскакивать солдаты в белых нижних рубашках. И хотя они были без оружия, нас все равно взяли в плен. Но их командир принял, наверное, единственное правильное решение в сложившейся ситуации. Рассказал, как нам добраться до нашего жилья и указал по какой дороге идти. Ведь, если нас сдать в милицию, то придется рассказывать, как мы оказались в расположении воинской части, да еще и на наблюдательном пункте, а где тогда был в это время часовой и был ли он вообще. Ведь мы просмотрели всю секретную документацию и, можно сказать, захватили в плен целую армию.

Утром я уже стоял возле дома колхозного бригадира, он сидел на крыльце и успел, как говорили колхозники, «забыть». Но все равно я ему доложил, что бригада библиотеки прибыла на работу. Бригадир с трудом поднял веки и сказал:

— А иди-ка ты, Витя, в лес, за грибами.

— И за ягодами? — дополнил я.

— И ... за ягодами, — подтвердил бригадир.

Выберем достойных

За несколько дней до выборов наша избирательная комиссия со всеми портретами, тряпками для кабин для тайного голосования, цветами и коврами въезжала в соседнюю школу (где до войны училась Таня Савичева). На другом грузовике везли две части скульптуры В.И. Ленина (верхнюю и нижнюю части собирали на месте). Расстлали ковер перед скульптурой, ставили урну для голосования.

У меня до сих пор храниться подлинная записка того времени, вот ее текст: «Виктор Михайлович! Зайдите, пожалуйста, в участковую избирательную комиссию и посмотрите портрет Л.И. Брежнева. Можно ли дорисовать четвертую звезду героя (и подпись)».

Я посмотрел и увидел, что три звезды расположены до самого плеча, четвертую пришлось дорисовать в таком ракурсе, что она почти уходит подмышку. Так что я той же краской кое-где мазнул по другим звездам, чтобы получилось единое цветовое решение. Когда проверяющие из Райкома принимали готовность нашего избирательно участка, то, прежде всего, посчитали звезды: раз, два, три, четыре. Замечаний не было. А в это время рабочие выносили вешалки из гардероба Библиотеки АН, так как к нам уже ехал грузовик из другого избирательного участка. И помещение для голосования разместили, где раньше был гардероб для читателей Библиотеки АН СССР. Как тогда говорили: «Планы партии — планы народа!». Хотя уверен, что весь народ был у нас не такой глупый как отдельные его руководители.

Искусство принадлежит народу

Вызывают меня в дирекцию.

— Вот, — говорят, — это читатель хочет с Вами посоветоваться.

Мы вышли в коридор. Гражданин лет сорока-пятидесяти сказал:

— Скоро столетие со дня рождения В.И. Ленина и я готовлю скульптуру вождя к юбилею. Но что-то не могу добиться портретного сходства. Что вы можете посоветовать? Я бы хотел показать эту скульптуру.

— Ну что вы, — говорю я, — я только художник-оформитель. Мне не раз приходилось рисовать Ленина в профиль для стеногазеты или для книжных выставок, но скульптурой я не занимаюсь.

— Но, может быть, все-таки взгляните?

Я подумал, что придется куда-то ехать, но, возможно, у него машина.

— А далеко? — спросил я.

— Нет, нет, — ответил читатель, — у меня с собой.

Он похлопал себя по карманам, достал спичечный коробок и там оказались два катышка из пластилина. Один шарик большой и к нему приделан маленький.

— О! — невольно сказал я, — вот рядом здесь Академия художеств, и там есть скульптурное отделение. И ребята-студенты обязательно что-то вам посоветуют.

Я рассказал, как пройти до Академии художеств.

— А можно им сказать, что художник из библиотеки отправил меня к вам?

— Конечно, скажите, — ответил я.

Как-то нам принесли для стенгазеты фотографию какого-то заседания коллектива библиотеки, а над ним лозунг: «Решения XXIV съезда КПСС — в жизнь». Но или при печатании снимка или во время съемки в кадр полностью не попало последнее слово целиком. И получилось: «Решения XXIV съезда КПСС — в ж». Эту фотокарточку мы не поместили в газету, но и наши работы в редколлегии не всегда оставались в газете. Например, однажды решили сделать собирательный образ мужчины, какой понравился бы нашим женщинам, мы ходили по отделам и спрашивали, какого цвета должны быть глаза у мужчины. Большинство сказали, что голубые. Цвет волос каштановый, плечи широкие и т.д. Я все эти пожелания перенес на бумагу. Получился широкоплечий мужчина с голубыми глазами. Он стоял голый и только вместо фигового листа прикрывался книгой. Но кто-то пожаловался в райком партии, что в газете нарисован голый директор библиотеки. Сразу из райкома примчалась машина, и нам велели газету снять. Еще раз газету снимали уже без меня, пока я был в туристической поездке во Францию. И редколлегия поместила заметку, якобы напечатанную в «Известиях» (привожу с сокращениями): «В последние дни в некоторых органах французской правой буржуазной печати появились

сообщения, свидетельствующие о том, что кое-кто во Франции не согласен с дальнейшим улучшением взаимоотношений между Французской республикой и Союзом Советских Социалистических Республик, чему способствовал недавний визит президента Помпиду в СССР. В этой связи обращает на себя внимание провокационная шумиха вокруг приезда советского гражданина художника-оформителя Библиотеки Академии наук СССР В.М. Хвощевского во Францию. Так, в газете «Орор» от 3 ноября сего года появилось анонимное сообщение, что В.М. Хвощевский в ночь по прибытии в Париж, якобы пытался водрузить государственный флаг Советского Союза на крыше Елисейского дворца. Газета «Фигаро» за то же число предложила другое сенсационное сообщение: «...советский литератор В.М. Хвощевский пытался сорвать представление в театре Мулен Руж выкриками: “Дружина, ко мне!”».

Политподготовка

На работе в мою комнату прибежали девушки-комсомолки и сказали:

– Завтра мы должны идти на демонстрацию. Напишите, пожалуйста, на большом листе бумаги — Свободу Леонардо... Леонардо... Леонардо...

– Да Винчи, — спросил я.

– Не-е-ет.

Побежали узнавать какому Леонардо свободу.

Прежде, чем поехать по туристической путевке за границу, раньше надо было за месяц сдать анализы, получить рекомендацию партбюро (хотя я никогда не состоял в партии), а после пройти собеседование в райкоме. Там разные старики и старушки и здоровенные тетки задавали разные вопросы. Например, кто какой пост занимает в правительстве и т. п. Меня спросил старичок: было ли напечатано решение правительства (сказал какое). Я ответил, что, если наше правительство принимает решение, то его обязательно печатают в газетах, чтобы довести до сведения советского народа.

– Правильно, — согласился старичок. — А когда было напечатано.

Я подумал: сколько времени он может помнить. Ведь обычно говорят то, что память человека хорошо сохраняет что было давно, а что было несколько дней назад, забывается. Ну, наверное, что было неделю назад, не больше. Я сделал умное лицо и ответил:

– На прошлой неделе.

– Нет, — радостно возразил старичок, — сегодня утром. А где находится музей революции?

Здесь я растерялся и быстро сказал:

– Возле мечети.

– Молодой человек! — воскликнул старичок, — какие у вас ориентиры, не у мечети, а у площади «Жертв революции». А когда вы были там последний раз?

– В этом году, — бойко ответил я.

– Так вы только раз в год ходите туда?

– Нет иногда чаще, — успокоил я старичка.

– А когда был мартовский пленум и какие вопросы там решались?

Я сразу вспомнил, байку о том, как профессор спрашивал студента: «Скажите, голубчик, между как и кем была Франко-прусская война?»

Но я не стал говорить, что мартовский пленум был в марте. А только сообщил о вопросах какие там решались.

– О сельском хозяйстве и о промышленности, — ответил я.

– А что о сельском хозяйстве? — поинтересовался старичок.

Я вспомнил о колхозе и стал высказывать свои наблюдения:

– Надо починить дороги, увеличить число машинно-тракторных станций, построить школы, детские сады и ясли, построить надежные овощехранилища.

Дальше я посоветовал, чтобы в каждом селе был клуб, чтобы в районном центре был дворец культуры, еще хотел сказать, чтобы чаще привозили хлеб в магазины.

– Но это правильно, — перебил меня старичок. — А теперь что вы можете сказать о промышленности?

Почему-то мне пришло в голову, что надо строить подъемные краны, но что там поднимать, придумать не мог.

— Промышленность надо поднимать на должную высоту. Выше, чем в развитых капиталистических странах, например, в Америке, чтобы у колхозов было больше тракторов и комбайнов, чтобы вовремя можно было убирать урожай и не оставлять корнеплоды в земле на зиму.

— Ладно, — сказал старичок, — скажите своему начальнику кадров, что мартовский пленум вы знаете не твердо, я про верю.

— Я скажу, — сообщил я.

— Николай Семенович, я мартовский пленум знаю не твердо, — сообщил я начальнику отдела кадров БАН.

— Ну, пустили? — поинтересовался он.

— Да, — подтвердил я.

— Ну, молодец, — сказал Николай Семенович.

Я потом подумал, что надо было рассказать про калиевые удобрения, суперфосфаты и калиевые соли. Это еще из школьной программы про сельское хозяйство. Вообще, я пробовал решать политические вопросы. Написал письмо Б.Н. Ельцину с некоторыми из них, чтобы он ответил только «да» или «нет»: 1) могло ли быть при советской власти, чтобы кому-то больше, чем на три дня задерживали зарплату? 2) могло ли случиться, чтобы целым областям отключали электричество? 3) могло ли быть, чтобы пограничным катерам, несущим охрану государственной границы СССР, не хватало топлива? Над ответом на эти три вопроса он думает до сих пор. Я вспомнил, как Ельцин говорил, что, если подорожают продукты, то он ляжет на рельсы. Продукты-то подорожали, и мне в голову пришли такие мысли: «уж поезд близится, а Ельцина все нет» (Анна Каренина).

Самодеятельность в библиотеке

— Почему не начинают? — поинтересовался я, придя на концерт.

Оказалось, что исполнитель роли академика не пришел на работу.

— Вот текст, — сказал руководитель самодеятельности, — замените исполнителя, положите перед собой, будто просматриваете документы, а мы все подскажем.

Я быстро посмотрел, о чем идет речь, пошел на сцену и сел в кресло. Когда ко мне обратились с репликой, я задумчиво произнес:

— С точки зрения э...э...

Подскочивший руководитель пояснил:

— Академик старенький, он хотел сказать то-то и то-то.

На следующую реплику я ответил:

— Это связано с тем, что вполне можно пренебречь э...э...

Опять руководитель, сообщил, что хотел сказать академик и так до конца пьесы. Зрители остались довольны и сказали, что я очень талантливо исполнил роль старенького академика. Но, действительно, очень талантлива была наша молодая сотрудница Таня Калашникова. Все думали, что она пойдет в Театральный институт, а она почему-то поступила в технический вуз. Я тогда посвятил ей несколько строчек:

Вот был портрет Калашниковой Тани:

Одна глава и несколько хвостов,

Никто не знал, что скоро она станет

Умнее всех великих мудрецов.

Теперь Эйнштейн на Таню смотрит ласково,

Как хорошо, что смена подросла,

Пенсне упало с носа Станиславского

И он сказал: не верю, что сдала.

Определенную роль в жизни нашего коллектива играла стенная газета. Члены редколлегии имели возможность сообщать читателям о чем писали газеты России 100 лет назад. Находили малоизвестные рассказы Аверченко, Зоценко и других авторов. Из иностранных журналов можно было знакомить наших женщин с современными модами и, конечно, в газете сообщалось о трудовых успехах коллектива и задачах на будущее. Нашу стенгазету приходили читать и сотрудники других академических учреждений.

В газету писали и наши читатели. Длинная газета была пять-шесть метров. Не случайно, когда мы хотели получить ее после конкурса стенной печати в райкоме КПСС, эту газету не вернули, потому что ее расстелили на полу во время ремонта. И международные события имели отражение в нашей газете. А когда наша космическая ракета улетела на Венеру, я написал:

Не во сне — на самом деле
В небе путь пролег до звезд.
Значит скоро на Венере
Должен вырасти совхоз.
И тогда Е.Р. Прокофьев
Нам скамандует «Вперед!».
Двинем в бой лопаты-копья
И телегу-вездеход.
На Земле пойдет зарплата,
На Венере — что дадут,
А веселые девчата
Дружно песню запоют:
Мы не думали в Любани
И сейчас не верится,
Что бригада нашей БАНи
Скоро привенерится.
Мы в халатах полосатых
(Три Татьяны впереди).
А в руках у нас плакаты
Ну, Венера, погоди!

(Прокофьев Евгений Романович — зам. директора по общим вопросам; Татьяна Н. — секретарь партбюро; Татьяна З. — зам. секретаря партбюро по идеологическим вопросам; Татьяна К. — секретарь комитета ВЛКСМ).

Когда мне исполнилось 50 лет, я написал маленькую заметку в нашу газету: «Позвольте через нашу газету поблагодарить всех участников проводов в мое шестое десятилетие. Я не ожидал, что услышу столько добрых напутственных слов, увижу специальный номер стенгазеты, посвященный моему юбилею, и даже встречу с иноотделянами (пришельцами из других отделов). Должен признаться, что в надежде опять получить такое удовольствие, буду с нетерпением ждать тот день, когда мне исполнится 100 лет. Итак, друзья, до встречи в 2028 году! С уважением Виктор Хвоцевский. Апрель 1976 г.».

Время собирать камни

Вера Платоновна Алексеева начала работать в Библиотеке Академии Наук СССР до войны.

Когда я был маленьким, то моя мама, гуляя со мной по городу, рассказывала о Ленинграде. «Вот здесь морской музей, а здесь — Академия наук. Там работают ученые, а здесь — Библиотека». Если бы мы зашли туда, то могли бы встретить совсем молоденькую Веру Платоновну. Но потом война, блокада. Судьба подарила встречу с Верой Платоновной только в 1955 году. Она и потом, даже в свои 70 лет, оставалась такой же молодой и жизнерадостной, как и раньше. Она знала несколько языков, любила путешествовать по разным странам и России. Увлекалась корридой и футболом. У нее было много фотографий игроков «Зенита». На юбилей наши сотрудники подарили В.П. футбольный мяч с автографами игроков этой команды, которые знали ее в лицо. Она не

пропускала ни одной игры. Однажды ветром, во время матча, сорвало флаг «Зенита» и болельщики бросились за ним, но Вера Платоновна была первой, а потом дома покрывала свою кровать этим флагом. Как-то меня послали в Москву в командировку и она попросила меня привезти ей что-нибудь особенное, интересное. Но что может быть в Москве, где нет ни корриды, ни «Зенита». Я сразу вспомнил сказку «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что». Долго я ходил по Москве. Наконец на улице Горького в магазине купил тубики с едой для космонавтов. Это как раз и было то, что нужно, ей понравилось. Еще у нас на работе обсуждали польский фильм «Все на продажу» и говорили, что он очень хороший, но, судя по газете «Кинонеделя», он не шел в Ленинграде. Вера Платоновна подтвердила, что он хороший. Оказалось, что она на воскресенье слетала в Москву и там посмотрела.

Из турпоездки в Египет она привезла полный комплект арабской одежды и сразу предложила мне надеть его и пройтись по библиотеке. Я взял в руки маленькую столетнюю книжку и мы пошли. Вера Платоновна говорила мне по-английски о специфике научного отдела. В читальном зале читатели восприняли мое появление как должное. И только в отделе, где я числился, заведующая Севостьянова, не предупрежденная дирекцией о приходе араба, в испуге встала, села и снова встала, а Вера Платоновна обстоятельно все рассказывала по-английски. Но потом все же кто-то заметил, что из-под одежды видны ботинки фирмы «Скорход».

Возле Петергофа когда-то находилась гранитная фабрика и любознательная общественность Ленинграда ездила туда на раскопки. Там находили много полудрагоценных поделочных камней и бусинок. Камнями украшали столешницы, делали инкрустацию разных домашних предметов. Как-то Вера Платоновна, я и еще сотрудники поехали тоже на эти раскопки. Мы немного покопали, но потом она

предложила нам обильный завтрак. Мы решили отдохнуть и поесть. Кто-то из копающих спросил, откуда мы. Вера Платоновна сказала из Академии наук. Когда мы еще раз приехали туда, то на месте, где мы копали, образовались траншеи, видимо, люди решили, что раз из Академии наук, то знали где копать.

Однажды мы возвращались с однодневной поездки в колхоз и автобус остановился возле залива. Было очень холодно. Но одна девушка из библиотеки академического филиала, не раздеваясь, пошла прямо в воду, окунулась и вернулась в автобус.

— Ой, узнайте! — прокричала Вера Платоновна, — познакомьтесь с ней! Из какого она филиала?

Я узнал, но, к сожалению, сейчас уже не помню ее имени. Вот какие люди у нас в Академии наук. И когда у Веры Платоновны был юбилей, я написал в нашу стенгазету такое стихотворение:

*Вере Платоновне
Алексеевой*

Вы твердо шагали
К намеченной цели
(Что делать, раз время так быстро летит!)
Вы вечно трудились,
Но, если болели,
То только за наш
Ленинградский «Зенит».
Вам сняться ночами
Колхозные пашни,
Далекие страны,
Огни маяков,
И встречи...
На овощебазе вчерашней,
И борозды строчек,
Прополки кубов.
А сколько бумаги
Вы в БАН исписали!
Наверное, около
Тысячи тонн!
А сколько контейнеров
Книг прочитали!
И вот, в результате
«Зенит» — чемпион!

Скончалась Вера Платоновна, когда ей было уже 86 лет. А свою квартиру она завещала моей дочери.

Февраль 1988

Утром я шел на работу под арками университета и увидел возле Библиотеки много пожарных машин — слева из окон здания валил дым. Мне сказали, что в воскресенье вечером в газетном фонде возник пожар.

Всю ночь пожарные боролись с огнем. По этажам текли реки воды из рукавов десятков пожарных машин. Как потом выяснилось, после полуночи пожар погасили и пожарные уехали, оставив две дежурные машины. Но утром опять началось возгорание. Меня попросили срочно нарисовать большой красный крест. На моем рабочем месте все было закопчено. Пахло дымом и щипало в горле. Там, где лежали ножницы, на бумаге остался белый след. Я вырезал квадрат, обвел его карандашом, на нем нарисовал еще один квадрат, потом справа, слева и внизу — получился крест. Быстро закрасил его красной гуашью и повесил этот плакат на сетку лифта рядом с медпунктом. Свежая красная краска на моем плакате с красным крестом кое-где подтекла, потом плакат выбросили, а надо было сдать в архив БАН как подлинное свидетельство пожара. Этот пожар нанес большой ущерб мировой культуре. Сгорело около четырехсот тысяч изданий, и сколько было залито водой, их ведь надо было срочно сушить, иначе их уничтожил бы грибок. Часть книг разместили в морозильные камеры. Другие, залитые водой, отправили в термокамеру на просушку в Военно-Медицинскую академию им. С.М. Кирова, но они там загорелись снова. Вот как об этом пишет директор Библиотеки АН доктор педагогических наук, профессор Валерий Павлович Леонов в своей книге «Библиотечный синдром» (1996 г., с. 229): «23 мая в 8.00 утра в термокамере Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова, помогавшей вот уже три месяца сушить книги из холодильника, начался пожар при температуре 40 °С. Как утверждают специалисты, бумага горит при 400 °С. Отчего же загорелись мокрые книги? Сплавивший-

ся от огня брикет отвезли на химанализ. В книгах оказалась высокое содержание магния и фосфора — элементов, которых в книгах в таком количестве быть не должно. Взяли точно такие же издания в ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина — состав названных элементов был в десятки раз ниже».

На свободе

Матвей Давыдович вошел в трамвай с передней площадки, увидел меня и громко сказал:

— Здравствуйте, профессор!

Мне ничего не оставалось, как ответить:

— Здравствуйте, академик.

Он часто говорил:

— Садитесь и рассказывайте все по порядку.

Я ему тоже как-то сказал:

— Садитесь, Матвей Давыдович и рассказывайте все по порядку!

Он ответил:

— Спасибо, уже сидел пятнадцать лет.

Наверное, поэтому на вопрос, как дела он всегда отвечал:

— Дела у прокурора, а у меня делишки.

Он рассказал, что когда у него дома делали обыск, то обратили внимание, что в сочинениях Маркса, Ленина и Сталина отдельные строчки подчеркнуты. Ему разъяснили, что строчки он подчеркнул потому, что ему не нравились. И еще на партсобраниях он вздрагивал, когда слышал имя товарища Сталина. Еще бы не вздрагивал. Матвей Давыдович не потерял веру в людей, всегда шутил и ко всем относился очень доброжелательно. Он рассказал, что с войны привез сыну кобуру от немецкого пистолета и при обыске очень развеселил тех, кто проводил обыск, когда сказал, что у него только кобура, а пистолета нет.

А еще про одного, с кем он был в лагере, рассказал, что его обвинили в подготовке покушения на Сталина, а когда тот с возмущением отверг это обвинение, то следователь нажал кнопку, появились двое неизвестных и подтвердили слова

следователя. Двух «свидетелей» было достаточно для того чтобы человек исчез.

Здоровье Матвея Давыдовича было подорвано, и по его просьбе в колхозе на кухне девочки варили ему только капусту, и он всем говорил, что у него обед замечательный, ресторанного покроя.

Послесловие

В этих своих заметках, как и в жизни, я придерживался советско-кубинского поэта Хосе Марти:

О тиране, скажи про тирана,
Все — и больше того присуди
Всей яростью рабской груди
К бесчестию, к позору тирана!

О неправде, скажи о неправде,
Как крадется она осторожно
В темноте; скажи все, что можно,
О тиране и о неправде.

О женщине, даже развенчанный,
Отравленный, — умирай,
Но жизни своей не пятнай,
Говоря дурное о женщине!

СОВХОЗНЫЕ СОБЫТИЯ

Событие давнопрошедшее

У Тургенева в пьесе «Месяц в деревне» 13 действующих лиц — у нас было больше, но срок тот же, потому что в те давние времена меньше чем на месяц в совхоз не посылали. Это теперь стали ненадолго ездить, да и то в некоторых отделах друг друга подменяют.

Получается: в понедельник — Коля, во вторник — Оля, в среду — Саша вместо Маши, в четверг — Маша вместо Саши, в пятницу работают до ночи вместо субботы. В субботу — вместо воскресенья, в воскресенье совсем не работают — отгул получают.

А в понедельник новая бригада приехала и опять таким же колесом — перпетуум мобиле — это по-иностранному, а если по-русски сказать, то непечатное выражение получится.

Итак, на месяц — не меньше, правда, резиновые сапоги и комбинезоны на работе выдавали (что сейчас не делают).

На том месте, где у автомобиля багажник помещается, у нас было вышито большими белыми буквами название учреждения — сокращенно, БАН. Но все равно, кому надо — тот поймет. Чтобы, если кто из нас раньше срока из совхоза сбежит, так его по этой метке поймают, еще пока он до станции доберется. А станция километров пять от нашего коттеджа (коттедж тоже слово иностранное, а по-русски

можно перевести как «сарай для сена» или «старая банька»).

И все-таки много было интересного и поучительного. Вот об этом я и хочу вам поведать.

Событие радостное

Жил в нашем подшефном совхозе особенный человек — просто Вася, но зрачки у него не круглые, как у всех людей, а продолговатые, разложены вертикально. И похожи на две бутылочки. По специальности Вася был механизатором, работал исправно, если трезвый, а когда выпьет, то хватается за ружье и давай в свою жену целиться — любил Вася поохотиться.

Но вот однажды жена отобрала у него ружье и о камень разбила. Загрустил Вася, даже бриться перестал.

Прошла неделя, другая...

Идем мы как-то утром на работу, а на встречу Вася на мотоцикле едет — улыбается.

— Ты куда, Вася? — кричу ему.

— В город, — отвечает Вася, — жинка денег дала, еду ружье покупать!

Событие историческое

Нужна лошадь привезти дрова для нашей кухни. Подхожу к совхозному бригадиру, излагаю свою просьбу.

— Вот там на остановке стоит конюх, — отвечает бригадир, — возьми у него лошадь.

— Здравствуйте, — говорю я, — вы конюх?

— Нет, я не конюх, — отвечает мне гражданин в стоптанных сапогах и кепке, надвинутой на самый нос.

Иду обратно.

— Он говорит, что не конюх, — докладываю я бригадиру.

— Да конюх он, конюх! — кричит бригадир и топает ногой.

Возвращаюсь на автобусную остановку и вижу, что на том месте, где стоял конюх, дымится окурок.

Все-таки пришла культура на село! Конюх и тот знает, что в автобусе не курят.

Событие печальное

Отправились мы за грибами почти всей бригадой и заблудились. Уже грибов не собираем, на ягоды не смотрим. Не до этого — да и темнеет. На небе звезды появляются, а мы все домой дорогу ищем — завтра, а точнее сегодня, рано утром в 6.00 — на работу.

Прислушались: ни лая собак в деревне, ни гудков электричек, только лес шумит.

В какую сторону идти? Стали Север определять по Полярной звезде. Отсчитали от края ковшика шесть раз то расстояние, какое между двумя звездочками, — нашли Полярную. Вот он, Север! Ну, с этим вроде все согласились. А в какую сторону Север будет, если возле дома стоять, — тут мнения разделились. Одни говорят — в окно дует — значит, Север. Другие говорят — дует потому, что стекло разбито.

В конце концов, решили плюнуть на Полярную звезду, тем более что она не всегда видна — деревья мешают. Так и пошли, куда глаза глядят.

Рыжеволосая Люся говорит:

— Наверное, нас леший водит. Надо одежду на левую сторону вывернуть, тогда он нас не узнает и отпустит.

В это время я увидел поляну, а на ней что-то громадное, страшное. Все сразу остановились и «оно» остановилось. Постояли, пригляделись, оказалось стог сена. Значит, где-то дорога должна быть. На-

шли ее сразу, но добрались до дома только утром и бегом на кухню, а там вдруг появился директор совхоза.

— Вы, — говорит, — долго завтракаете.

А мы только еще ложки взяли и миски приготовили. В этот момент Дина вынесла большую кастрюлю каши.

— Еще не ели! — воскликнул директор совхоза.

Дина сразу кастрюлю выронила, вся каша к ногам директора вывалилась, а он только рукой махнул и пошел в сторону правления. А мы в поле отправились обеда дожидаться, ну и работать, конечно, по мере возможности.

Событие фантастическое

— Раскладушка сломалась, — говорит девушка из нашей бригады, — напишите начальству, пусть новую купят и привезут.

(Это в тот раз, когда я бригадиром был).

— Написать можно, — думаю, — жалко, что ли?

— Уважаемый Лев Юльевич, — пишу я, — у нас пришли в негодность восемь раскладушек, надо бы новые приобрести.

А сам рассуждаю так: наполовину срезет — четыре будет. На четыре в бухгалтерии денег не окажется — конец квартала, лимит вышел. Да и те четыре не запланированы. В целях экономии средств купят две к весне, разумеется, не сейчас, а там, глядишь, еще одна сломается. Как раз две и понадобятся.

Письмо почтой посылать не стал — вдруг потеряется — ни одной не купят. Передал письмо с надежным человеком и забыл об этом.

Через три-четыре дня приехал «пикап», шофер говорит:

— Разгружайте раскладушки, не буду же я восемь штук на себе таскать!

Событие поучительное

Помню, как-то пришлось нам работать даже на «помещика».

Представьте себе, что завтра домой, за нами грузовик придет открытый, чтобы не жарко ехать было.

А потом в городе кто-то закричит:

— Смотрите, трамвай!

Можно даже в кино сходить или в баню.

А пока надо только документы оформить, деньги получить, а совхозный бухгалтер взяла выходной день — на своем огороде картошку копает, пока погода хорошая. Мы нашли её:

— Приходите, — говорит она, — завтра.

— А нам сегодня надо. Давайте, — говорю, — вашу картошку выкопаем, а вы нам в это время документы оформите!

Прикинула бухгалтер в уме, где плюс, где минус поставить.

— Ладно, — говорит, — копайте, только не как в совхозе — у меня свиней нет.

(Здесь я должен пояснить). Дело в том, что в нашем совхозе картошку копали в три этапа: сначала мы, потом шли пионеры и школьники — они подбирали, что после нас оставалось, а в заключение свиней выпускали, чтобы поле перепахать (экономия бензина) и животных накормить (экономия комбикорма). И получается — бензин цел и свиный сыты.

На «помещичье» поле отправились две Вали, Оля, Марина и еще несколько человек. Если бы не они — сидеть бы нам в том совхозе до сегодняшнего дня. Хотя совхоз — хозяйство плановое, но заранее всё предугадать трудно.

*Событие невероятное,
но правдивое*

В деревне Кикерино расквартировали нас по домам местных жителей. В одну комнату мы попали втроем: Лёня, Володя и я.

Напихал Леня полный матрас соломы и начал матрасу бок зашивать, вдруг сообщает — иголка пропала! Ушла в солому, а нитка оборвалась.

— Надо ее найти, — испуганно добавляет Леня, — а то она «знаешь-понимаешь» в сердце воткнется.

И начал он матрас распарывать. А я пошел узнать, будет ли чай вечером или

так спать ляжем. В день приезда все сразу организовать трудно. В одном доме большая плита, там мы свои кастрюли и чайники оставили.

Через некоторое время возвращаюсь. Володя спрашивает:

— Слышал выражение «искать иголку в сене»? — смотри, как это делается.

Вижу, Леня достает по соломинке из матраса, осматривает каждую и аккуратно на пол складывает — целая копна получилась, а иголку не нашел. Пропала. Невероятно, но факт!

Событие мистическое

Очень часто в свободное время Марина писала письма в Ленинград своему хорошему знакомому (назову его Василием Петровичем Ивановым). Запомните, пожалуйста, — Иванов Василий Петрович! А совхоз наш возле озера находился.

— Пойдем, — говорю Марине, — погуляем вдоль берега, посмотри, какой вечер теплый.

— Зачем вдоль берега, может, на лодке покатаемся? — возражает Марина.

А лодки, надо сказать, к пирсу цепочками привязаны и на замки закрыты.

Марина говорит:

— Найдем того, кто лодками заведует, и ключ попросим. В прошлой бригаде ребята каждое утро рыбу ловили. Им ключ всегда давали. Главное, чтоб на работу вовремя выходили.

Вдруг видим, женщина с корзинкой по берегу идет, наверное, в магазин за продуктами ходила, да где-то у знакомых задержалась.

Я спрашиваю:

— Скажите, пожалуйста, у кого можно ключ попросить, чтобы на лодке покататься?

— Да вон в том доме, — говорит женщина, — живет Иванов Василий Петрович, он вашим всегда ключи от лодок давал. Идите, идите к нему.

— Спасибо, — сказала Марина и тихо, чтобы женщина не слышала, добавила, — ой, нет уж, лучше так по берегу погуляем.

Моя история

Событие грустное

Работали мы на сушилке. В одно место зерно засыпали, из другого оно уже подсушенное высыпалось. Только успевай мешки подтаскивать.

Мелкая колючая пыль стояла сплошным туманом, жарко.

Машина тарахтит, механик торопит, дышать нечем. А у девушек еще и нос платком закутан, одни глаза блестят, как у Фантомаса.

Тут к Люде подходит Валя и кричит ей в ухо:

– Смотри, Люда, мне кажется, вон та шестеренка слишком медленно крутится, как ты думаешь?

– Послушай, Валя, — задыхаясь, отвечает ей Люда, — я только об этом и думаю!

И хотя сейчас Валентина Петровна доктор наук, все же мне хочется с ней поспорить.

Я даже уверен, что та шестеренка крутилась слишком быстро, а иначе разве могло так случиться, что с того времени уже прошло сорок лет!

**К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ТАРАСА ГРИГОРЬЕВИЧА ШЕВЧЕНКО (1814–1861)
Выставка в Библиотеке Российской академии наук
С.Н. Федотова**

К 200-летию со дня рождения Т.Г. Шевченко в Библиотеке РАН подготовлена выставка, посвященная жизни и творчеству великого украинского поэта. Основу выставки составила коллекция книг, находившаяся до 1930 года в Славянском отделении Библиотеки — ныне Славянский фонд БАН. В этом фонде свыше 300 книг, связанных с именем Шевченко (его труды и книги о нём). Для выставки были отобраны 126 изданий, представляющие особый интерес. Прежде всего — это прижизненные издания поэта.

Первый сборник Шевченко — «Кобзарь» — вышел в Петербурге в 1840 году. К сожалению, это издание отсутствует в БАН, но замечательная фототипия первого издания «Кобзаря» (Львов, 1914 г.) даёт полное представление о том, как выглядела самая первая книга поэта. В Славянском фонде БАН хранятся альманах «Ластовка» (1841 г.), изданный Е. Гребенкой, с публикацией ранних произведений Шевченко (баллада «Причинна» и др.) и украинский литературный сбор-

ник «Молодикъ» (издавался И. Бецким), в котором было опубликовано в 1843 г. стихотворение «Думка».

Наиболее полно представлены на выставке издания 1860-го года. Это новое, более полное (по сравнению с первым), издание «Кобзаря», увидевшее свет благодаря материальной поддержке Платона Семеренко, а также вышедшие отдельными книжечками поэмы «Катерина», «Тарасова нічъ», «Гамалія», баллада «Тополя» и «Псалми Давидови». Также в 1860 году в альманахе «Хата» (издание П.А. Кулиша) была опубликована подборка стихов Шевченко под названием «Кобзарський гостинець». Последняя изданная книга, которую издал Т.Г. Шевченко «Букварь южнорусский» (СПб., 1861). Экземпляр этого издания, хранящийся в БАН, принадлежал известному слависту П.А. Кулаковскому, о чём свидетельствует штампель на титульном листе.

Первый сборник Т. Шевченко. «Кобзарь», Санкт-Петербург, 1840

Отдельный раздел выставки посвящён работам Т.Г. Шевченко в журнале «Основа» (Южнорусский литературно-ученый вестник). В 1861–1862 годах здесь опубликованы отдельные главы «Кобзаря», отрывки из «Дневника» Шевченко, его письма, а также драматическое произведение «Назар Стодоля».

В 1861 году выходит отдельным изданием знаменитая историческая поэма Шевченко «Гайдамаки» (СПб., 1861), а в 1862 году — дума «Перебендя» (СПб., 1862).

При жизни Шевченко появляются переводы его произведений. На выставке представлены книги, изданные на польском, болгарском, чешском и белорусском языках. География изданий великого поэта обширна: Санкт-Петербург, Киев, Одесса, Львов, Вильно, Прага, Женева, Лейпциг, Варшава, Краков... За границей появился первый, самый полный, «Кобзарь» со стихами Шевченко, которые были запрещены в царской России. Один из сборников так и называется: «Поезії Т.Гр. Шевченка заборонені в Росії» (Женева, 1890).

Среди многочисленных изданий «Кобзаря» второй половины XIX века обращают на себя внимание две одинаковые книги, отличающиеся лишь вступительными статьями: «Кобзарь з додатком споминок про Шевченка писателів Тургенева і Полонського» (У Празі, 1876) и «Кобзарь з додатком споминок про Шевченка Костомарова і Микъшина» (У Празі, 1876).

В 1893–1898 годах во Львове выходит «Кобзарь» в 4-х частях с обширным биографическим очерком О. Огоновского — это одно из самых полных и самых лучших изданий произведений Шевченко того времени.

Большой интерес вызывают и книги Т.Г. Шевченко, предназначенные для детского чтения: «Кобзар для малих дітей» (Львів, 1905), «Кобзарик» (СПб., 1913), «Избранная стихотворения для дѣтей. Стихотворения на малороссійско-

мъ языкѣ и в переводѣ русскихъ поэтовъ» (СПб., 1913).

Коллекция книг славянского фонда позволяет представить не только Шевченко-поэта, но и о Шевченко художника. Интерес вызывает издание начала XX века: «Малюнки Т. Шевченка». Виданне общества имени Т.Г. Шевченка для вспомоществования нуждающимся уроженцамъ Южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ г. С.-Петербурга. За артистичним доглядом проф. В.В. Мате. Вип. 1–2. (СПб., 1911–1914); «Власноручні офорти Т. Шевченка». Накладом Я. Оренштайна в Коломиї [1913]; Ол. Новицький «Тарас Шевченко як мляр» (Львів–Москва, 1914).

Основной раздел выставки «Наследие Т.Г. Шевченко в Славянском фонде БАН» завершают книги, изданные в конце 1920-х годов. Это отдельные тома академического издания — «Повне зібрання творів Тараса Шевченка. Під загальною ред. акад. С. Ефремова» (Київ, УАН, 1927–1929), а также серия отдельных произведений, изданная Научно-исследовательским институтом имени Шевченко в Харькове.

В 1930 году Славянское отделение БАН было закрыто. Все издания на украинском языке поступали уже в основной фонд Библиотеки, поэтому книги для других разделов юбилейной выставки были отобраны именно там. Нельзя было обойти вниманием произведения Т.Г. Шевченко, изданные Академией наук УРСР в конце 1930-х годов — Повне зібрання творів. В 10 т. Ред. кол.: ак. Білецький О.І., Копиця Д.Д., ак. Корнійчук О.Е. [и др.]. Київ. Вид-во АН УРСР (1939–1963). Собрание включает не только литературное наследие Шевченко (Т. 1–6), но и тома, посвященные живописи и графике разных лет (Т. 7–10).

На выставке были представлены издания Т.Г. Шевченко на русском языке, а также переводы его произведений с малороссийского на русский. Повести Шевченко, написанные им на русском языке («Княгиня», «Варнак», «Близнецы»,

Информация

«Художник» и др.) впервые опубликовал журнал «Киевская старина» (с 1884 по 1888 год). В 1888 году вышла книга Т.Г. Шевченко «Поэмы, повѣсти и рассказы, писанныя на русскомъ языкѣ. Съ портретомъ поэта» (Кіев, 1888). Ещё при жизни Т.Г. Шевченко, в 1860 году, вышел в переводе русских поэтов «Кобзарь» под редакцией Н.В. Гербеля (книга была напечатана в типографии Императорской Академии наук в Петербурге). Этот сборник переиздавался несколько раз в конце XIX и в начале XX века. В 1911 году (в год 50-летия со дня смерти Шевченко) вышел «Кобзарь» в переводах русских писателей, изданный по постановлению Общества любителей российской словесности. Доход от этого издания шёл на

создание памятника поэту. Переводчиками Шевченко были Н. Гербель, Вс. Крестовский, Л. Мей, А. Плещеев, Н. Курочкин, И. Бунин, С. Дрожжин, И. Суриков; в советское время — Ф. Сологуб, Б. Пастернак, В. Инбер, К. Симонов, А. Тарковский, А. Твардовский и многие другие известные поэты. Именно в их переводах русские читатели впервые знакомились с творчеством великого украинского поэта. В 1949 году вышло 5-томное собрание сочинений Шевченко на русском языке под редакцией М. Рылского и Н. Ушакова со вступительной статьей А. Корнейчука.

На выставке были представлены фотокопии портретов и автопортретов Т.Г. Шевченко.

